

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

к учебной дисциплине «Геополитика»

Тема 5.

Постсоветское пространство и его место в геополитическом развитии мира

Вопрос 5.1.

Тема 6.

Место и роль атлантизма в современной геополитике. Роль США

Вопрос 6.1. Современная школа геополитики США

Завершение холодной войны повлекло возникновение принципиально новой геополитической картины мира. От атлантистских геополитиков потребовалась выработка новых моделей мирового порядка. На новом этапе современного периода развития геополитики Соединенные Штаты Америки удержали и даже укрепили лидерское место в мире. Соответственно американская школа геополитики сохранила ведущие позиции среди геополитических течений Запада.

Атлантистская линия в геополитике развивалась как продолжение классической англо-американской традиции (Мэхен, Маккиндер, Спайкмен). Современные геополитики-атлантисты лишь уточняют и детализируют частные аспекты теории, развивая прикладные сферы. Основополагающая модель «морской силы» и ее геополитических перспектив превращается из научных разработок в официальную международную политику США.

Вместе с тем американские геополитики трансформировали учение Маккиндера о «географической инерции» для того, чтобы определить весь Земной шар сферой влияния США. Составной частью их геополитической доктрины становится учение о всеобщности стратегических интересов и необходимости американских баз, расположенных на достаточно дальнем расстоянии от морских и сухопутных границ США. Специфической чертой американской геополитики стало не только оправдание тех или иных захватов и борьба за передел мира, но и борьба за мировое господство. Американские геополитики утверждают, что география стала «глобальной», то есть охватывающей весь Земной шар.

В связи с этим меняется методика географических определений: американские геополитики отказываются рассматривать географию отдельных государств, по их мнению, не являющихся самостоятельными географическими единицами. В справочных целях каждое государство остается как обособленная единица международных отношений. Но для американских геополитиков это – пережиток прежних веков, когда еще не было средств преодолевать расстояние. Географию отдельных государств вытесняет вариант «страноведения», объединяющего группы государств – пространства «интегрированных» между собой территориальных единиц. В «интегрировании» нет ничего нового: германские геополитики в 1930-х гг. доказывали, развивая мысли Челлена и Хаусхофера, что малые страны Европы экономически нежизнеспособны, и единственный выход для «малых народов Европы» – добровольный отказ от

экономического суверенитета с подчинением Германии, подобно тому как народы Америки или Азии приняли «руководство» США и Англии (мандаты или доктрину Монро).

Общим местом американской геополитики и политической географии стало утверждение, что стране недостает многих важнейших сырьевых материалов, доступ к которым будет обеспечен, если США сохранят свою безопасность в экономическом и политическом отношениях. В атомном веке, рассуждают американские геополитики, безопасность США может быть обеспечена только закреплением за Америкой важнейших «центров силы», под которыми следует понимать центры сосредоточения важнейших видов стратегического сырья.

В рамках школы «атлантизма» определились две модели оценки, проектирования и оптимизации перспектив США в условиях современного мирового порядка: «пессимистичная» и «оптимистичная». Выше уже отмечалось, что данные школы воспринимаются большинством геополитиков не только как национальные американские, но и квалифицирующие интересы Запада.

«Пессимистичная» модель подразумевает продолжение конфликта с хартлендом, который не утратил своей актуальности с распадом СССР, и созревающими новыми евразийскими объединениями, базирующимися на традициях и этнических архетипах. Эта модель воплотилась в концепцию «неоатлантизма» и рассматривает геополитическую картину сквозь призму биполярности, имея в виду новые геополитические зоны, которые с большой вероятностью будут противостоять Западу. Тем самым подчеркивается, что победа атлантизма не оказалась победой над иными цивилизациями. Классический представитель неоатлантизма – *Самюэль Хантингтон*.

Вторая модель атлантистов, наоборот, открыто оптимистична. С их точки зрения, положение вещей, сложившееся после победы Запада в холодной войне, является окончательным и абсолютным. Это утверждение представляет собой базу теории неомондиализма, или Конца Истории (Единого Мира). Эта геополитическая концепция ассоциируется с *Фрэнсисом Фукуямой*, автором статьи «Конец Истории». Существенно, что теории неомондиализма в США распространения не получила.

Интеллектуальную деятельность неоатлантистов целесообразно начать с **Генри Киссинджера**. Он – один из наиболее известных представителей современной американской геополитики – политический деятель, политолог, геополитик и геостратег. В получившей широкую известность книге «Дипломатия» Киссинджер анализирует геополитическую обстановку после окончания холодной войны. Он выдвигает тезис о моральной победе либеральной демократии над коммунизмом, который бросил Западу политический, идеологический и геополитический вызов. Дальнейшее развитие мирового сообщества он видит в расширении зоны демократии и приращении числа стран, опирающихся на рыночную экономику. Но Киссинджер далек от идеалистического, т. е. чисто морального понимания геополитики в духе Вудро Вильсона или Билла Клинтона. Он не заражен эйфорией победы в холодной войне, а как истинный реалист видит будущий мир не однополюсным во главе с США (хотя Америка, по его мнению, останется «первой среди равных»), а пяти-шести «полюсным». Порядок в таком мире будет поддерживаться на балансе соперничающих национальных интересов ведущих центров

силы. Таким образом, спор между идеалистами и реалистами в геополитике Киссинджер решает в пользу реалистов.

Одним из широко известных американских геополитиков-неоатлантистов является **Збигнев Бжезинский** – профессор Колумбийского университета, советник школы современных международных исследований при университете имени Джона Гопкинса, автор многих политологических и геополитических трудов. Подробно свои геополитические взгляды и концепцию мирового порядка после холодной войны он изложил в книге «Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы». Эту книгу Бжезинский посвятил своим студентам со скромной целью – «чтобы помочь формировать очертания мира завтрашнего дня». Под «великой шахматной доской» автор понимает Евразию как континент, где разыгрывается партия, победитель в которой станет господствовать во всем мире. По Бжезинскому эта партия уже сыграна и победитель известен – это США. «Гегемония стара как мир. Однако и американское мировое превосходство отличается стремительностью своего становления, своими глобальными масштабами и способами существования». Это положение аргументируется автором, исходя из истории таких империй, как римская, китайская, британская и др.

Американское превосходство, по мнению Бжезинского, породило новый международный порядок. Американский геополитик описывает его основные черты и дает определение мощи государства новой геополитической эры. Он считает, что при ее оценке снижается роль территориальной составляющей и значительно повышается роль других: экономической, технологической, военной и политической.

Все государства мира в геополитическом отношении Бжезинский делит а) на активных геостратегических действующих лиц (Франция, Германия, Россия, Китай), б) на геополитические центры, имеющие удобное географическое расположение, но не активные (Украина, Азербайджан, Турция, Иран, Южная Корея) и в) на все остальные. Возглавляют эту геополитическую иерархию США. Из такого геополитического расклада вытекают и цели американской геостратегии: закрепить господствующее положение в мире; создать новый мировой порядок, закрепляющий геополитический статус кво.

Геополитические воззрения Збигнева Бжезинского, оформленные на рубеже XX и XXI вв., принято считать третьей версией неоатлантизма, известной как *«американская гегемония нового типа»*.

Других геополитиков американской школы более заботят геоэкономические характеристики конкурирующих на мировой арене стран и изменение соотношения сил. Характерной с этой точки зрения является позиция канадского геополитика **Алекса Баттлера**, который в статье «Контурсы мира в первой половине XXI в. и чуть далее» разделяет геоэкономическую и геостратегическую структуры мира. *Геоэкономическая структура* определяется экономическим «весом» или потенциалом государства, который выражается через соотношение валового внутреннего продукта (ВВП). Государство, образующее глобальный или региональный полюс в геоэкономическом пространстве, должно превосходить по экономической мощи следующее за ним государство в 2 раза. В этом случае региональными полюсами являются: в Латинской Америке – Бразилия (с ВВП в 743 млрд долл. превосходит идущую за ней Мексику с ВВП в 429 млрд); в Африке – ЮАР (ВВП 133 млрд долл. за ней Нигерия с 38 млрд); на Ближнем и Среднем Востоке – Турция (ВВП 186 млрд долл. за ней Иран со 111 млрд); в Восточной Азии – Япония (ВВП

4 трлн долл. за ней КНР с 1 трлн); в Центральной и Восточной Европе – Россия (ВВП 333 млрд долл. за ней Польша с 153 млрд); в Западной Европе выраженных полюсов нет, так как Германия с ВВП в 2,1 трлн долл. недостаточно опережает Францию (1,4 трлн). Мировым полюсом являются США с ВВП 8,3 трлн долл. (у идущей за ними Японии 4 трлн). В рамках СНГ Россия (ВВП – 333 млрд долл.) значительно опережает идущую за ней Украину с 38 млрд, но по показателям ВВП занимает лишь 16-е место в мире, а на душу населения – 98-е место. По мнению Баттлера, геоэкономический вес не дает ей права называться даже региональной державой.

Геостратегическую структуру современного мира Баттлер определяет не категорией «полюс», а категорией «центр силы». Центр силы – это актор, имеющий возможность подчинить деятельность других акторов в соответствии со своими национальными интересами. Для этого его внешнеполитический потенциал (ВПП) должен превосходить ВПП конкурента как минимум в 4 раза. С геостратегической точки зрения в Западной Европе отсутствует центр силы, так как ВПП Германии, Великобритании, Франции, Италии он оценивает между 40 и 50 млрд долл. У Японии он – более 50 млрд, и она может быть определена как региональный центр силы, ибо у Китая он составляет только 10-12 млрд. США имеют ВПП в 300 млрд долл., т. е. превосходят следующую за ними Японию в 5 раз и, несомненно, являются единственным глобальным центром силы.

Весь мир Баттлер делит на три группы стран: первый мир (или развитые страны), состоит из трех зон: Северная Америка, Западная Европа и Япония; второй мир (или среднеразвитые страны) – это страны СНГ, Средней Европы, Китай и Индия. Их специфика – проведение реформ с целью перехода от социализма или госкапитализма к западным моделям капитализма; третий мир – это развивающиеся страны Африки, Латинской Америки, Ближнего и Среднего Востока, Восточной Азии (за исключением Южной Кореи, Тайваня, Китая) и Южной Азии (за исключением Индии). Для них характерен низкий уровень социально-экономического развития. Они – объекты, а не субъекты мировой политики.

Вопрос 6.2. Геополитические аспекты крушения однополярного мира и общие контуры нового мира

С начала XXI в. проявились признаки отторжения однополярного мирового порядка. Статус США как единственной самодостаточной и недосыгаемой для внешнего противника сверхдержавы оказался под вопросом. Это подтвердила террористическая атака 11 сентября 2001 г., продемонстрировав уязвимость США как территории, сомнительность недосыгаемости попыток нарушить национальную безопасность Америки и вынудив администрацию формировать коллективную защиту в виде антиисламской коалиции.

Позже несправедливая война в Ираке, безрезультатная борьба с терроризмом в Афганистане, перманентная нестабильность на Балканах на фоне неспособности США урегулировать там конфликты, отчуждение союзников из европейского блока (из-за позиций по Ираку и Ливии) и наконец, болезненная потеря морального авторитета (удары по имиджу из-за пренебрежения международным правом, правами человека в Гуантанамо) – признаки провала американского проекта нового мирового порядка.

Американская мегаполитика одноцентричности привела к разбалансировке международных отношений, ибо американцы не смогли оптимизировать свою модель применительно к мировому порядку XXI в. Претензии Вашингтона на лидерство оказались под сомнением.

И теория однополярности не выдержала проверки. Она исторически и стратегически выявила невозможность и неэффективность единоличного доминирования на мировой арене. Современные условия не стали исключением: когда мир, технологии, коммуникации стремительно меняются, одно государство, даже самое экономически и политически мощное, не способно навязать единую, удобную лишь ему версию мирового порядка.

Принятие в сентябре 2002 г. новой Стратегии национальной безопасности с ключевым положением нанесения превентивного удара по террористам сделало стратегические планы США амбициознее, чем в годы борьбы с коммунизмом. Новая глобальная стратегия ведет к разногласиям между Америкой, ее союзниками и «попутчиками», из-за опасений, что борьба с терроризмом послужит прикрытием для мировой гегемонии Вашингтона. Большинство крупных держав стали выстраивать вокруг себя своеобразные геополитические полюсы.

Справочно: под термином «*крупные державы*» следует понимать небольшую группу государств, численность населения и потенциал ресурсов которых позволяет им оказывать глобальное влияние, а также те страны, которые уверенно приближаются к статусу мировых держав. Сюда относятся постоянные члены Совета Безопасности ООН (Великобритания, Китай, Россия, США, Франция), а также возможные кандидаты на членство в случае его расширения (Бразилия, Германия, Индия, ЮАР, Япония). Некоторые из указанных государств связаны союзническими обязательствами или даже (как в случае с ЕС) объединены в конфедерацию, что не может не влиять на усиление их позиции и действия на мировой арене.

Крушение однополярного мира становилось однозначным фактом. В то же время глобальное мироустройство диктовало необходимость некоей координирующей силы сдерживающего или мироутверждающего характера для поддержания международного мира. В эпоху холодной войны это была биполярная система, позже – однополярная.

С начала XXI в. утверждается новая система. В этой связи принципиально важным для выработки верных геостратегических направлений является правильное понимание и оценка структуры современного глобализированного мира: он – *многополюсный* или *многомерный*? Видение мира как «многополюсного» после крушения двухполюсной мировой системы стало традиционным, но является ли оно адекватным названием? Уже в естественнонаучном понимании это очевидный нонсенс: Земля не может иметь более двух полюсов. Но, возможно, в глобалистском ключе такое видение будет реальным?

Ответ не однозначен. С одной стороны, в логике классической геополитики XX в. старые (США) и новые центры мировой силы (Евросоюз, Новый Восток) по-прежнему выявляют тенденцию к гегемонии или лидерству. В немалой степени сохраняется и «вертикальная» иерархия мира в виде претензии известной группы держав (G-7) на руководство миром методами “*hard power*” («жесткой силы»). «Большие государства поступают так, как им вздумается, а малые – так, как им велит необходимость», – мудро подметил Фукидид. Значит, проявляется фактор многополюсности.

С другой стороны, особенности глобализации после преодоления холодной войны вызывают все чаще к жизни стратегию “*smart power*” («разумной силы»). Это понятие означает синтез «жесткой» и «мягкой» силы, когда обе формы взаимосвязаны и усиливают друг друга. Складывается значительная сеть государств, наделенных «разумной силой». Их потенциальная эффективность и способность к стратегическому выбору и маневру заметно возрастают почти независимо от их геополитического веса. В мировом порядке они приобретают стратегическую значимость. Потому резонно утверждать: на смену приходит не «многополярный», а многомерный, сетевой, взаимосвязанный мир. Для средних и малых государств многомерный мир – весомый бонус роста их значимости.

Подчеркнем: многополярность – это претензии государств-гигантов. А с ростом влияния суперконгломерата (о чем говорилось ранее), геополитического веса крупных держав и субъектов «разумной силы» мир становится многомерным. Он выстраивается уже не столько на условиях, продиктованных несколькими мировыми центрами силы, сколько на влиянии многих вовлеченных в интеграцию государств.

Из сказанного вытекает, что важным фактором многомерного мира становится политическая интеграция. Ведь влияние вовлеченных в интеграцию множества государств, по сравнению с диктатом единиц – всегда позитивный фактор. В многомерном мире возрастает значение таких смыслообразующих понятий, как «партнерство» (сотрудничество), «интеграция», «союз». Сегодня данные понятия в официальных документах, не говоря уже о масс-медиа и обыденном сознании, настолько размыты и подвержены популизму, что трудно уловить суть этих институциональных форм, на которых строятся взаимосвязи субъектов.

Аналитики разъясняют: интеграция – всегда сотрудничество, но далеко не всякое сотрудничество – интеграция. Интеграция (от лат. *integer* – полный, целый, ненарушенный) – это способ достижения общностью своих целостностных целей; другими словами: интеграция – это гармония данного государства с его внешним партнерским и союзническим пространством, которая достигается и приобретает зрелость по мере своей институционализации. Столь высокая степень взаимосвязей создает и воспроизводит т. н. синергетический эффект (греч. *sinergeia* – содружество, единение). Потому эффект интеграции намного шире и значимее, чем простое сотрудничество.

В сетевом мире каждое государство остро нуждается в союзниках. Но парадокс в том, что всякий союзник – партнер, но далеко не всякий партнер – союзник. Иначе ими были бы едва ли не все субъекты международных взаимоотношений. Партнеров объединяют сходные интересы и общие цели. Союзников же, кроме этих общих установок, консолидируют и единые ценности. Именно на этих основаниях строится интеграция.

Следовательно, интеграция не исключает, а даже предполагает учет и упрочение как общих, так и особенных – национально-государственных интересов. В условиях интеграции возникает возможность жертвовать частью суверенитета, не опасаясь его полной потери, что характерно для малых государств в условиях многополюсного мира. Вот почему происходит переакцентировка соотношения интеграции и суверенитета. Если ранее для формирующихся государств-наций правомерной была формула: суверенитет – настолько возможно, интеграция – настолько необходимо, то с вызреванием

многомерного мира процесс складывается наоборот: суверенитет – насколько необходимо, интеграция – насколько возможно. В условиях многомерного мира имеется больше шансов преодолеть негативные последствия глобализма.

Важно подчеркнуть, что современный мир политики – это эра преобразований и трансформаций. Если в конце 1990-х гг. на геополитическом поле четко обозначились центры «притяжения», инициировавшие ярко выраженные центростремительные силы, то в настоящее время ведущие субъекты международных отношений избегают замкнутых, автаркических систем и развивают общемировые связи через втягивание в них малых и средних стран. То есть, мир структурируется из двухполярной через однополярную и многополюсную системы в многомерную систему международных отношений.

Многомерность мира – главная особенность структурирования современного мира. Из нее вытекает вторая особенность, непосредственно влияющая на внешнюю политику всех государств: *движение мироустройства к полицентризму*. Реальный сдвиг к полицентризму проявился в расширении списка привилегированных государств от «семерки» к «двадцатке» с включением в него таких ранее «неприметных» стран, как ЮАР, Индонезия, Австралия, Аргентина, Саудовская Аравия, Турция. Полицентризм достигается через усиление экономических взаимосвязей, снижение (в отличие от биполярной системы) значимости идеологического фактора, уменьшение влияния военно-политических группировок и вероятности большой войны между мировыми лидерами.

Российский политолог Карен Брутенц характеризует переживаемый ныне период как переход от однополярного мироустройства к многомерному. Он осуществляется через великую геополитическую революцию, которая: *а)* ведет к политическому и экономическому «вставанию» развивающихся стран и пробуждению их народов; *б)* кладет конец «захвату» Западом исторического процесса и возвращает в процесс мирового развития страны и народы трех континентов – Азии, Латинской Америки и Африки; *в)* меняет геополитическую картину мира, подтачивает гегемонию Соединенных Штатов Америки и формирует политический, экономический и идеологический задел против любой гегемонии; *г)* увеличивает число реальных субъектов международной политики; *д)* создает предпосылки для коренного реформирования существующей политической и экономической систем; *е)* обеспечивает условия и стимулы для самостоятельной политики развивающихся стран и их выхода на авансцену мировой политики, расширяет круг государств, ведущих такую политику; *ж)* создает возможности для динамичного экономического подъема развивающихся стран, радикально меняет геоэкономическую картину мира, формируя перспективу превращения этих стран в влиятельную силу мировой экономики; *з)* открывает путь к идейной эмансипации и идейному самоутверждению развивающихся стран, к возрождению и активизации древних цивилизаций Востока; *и)* противостоит унифицирующему влиянию вестернизации, содействует защите национальной, региональной и религиозной идентичности; *к)* решительно изменяет глобальную конфигурацию, заметно повышает международный статус ряда «встающих» стран. Свою книгу он озаглавил: «Великая геополитическая революция».

Очевидно, что мир меняется, становится многомерным. Баланс мощи понемногу меняется в пользу развивающихся стран, и отныне лидером станет тот, кто сумеет найти оптимальные решения для реализации актуальных глобальных, региональных и

локальных проблем. Нередко европейцы не замечают этого из-за своей евроцентристской слепоты, но уже не только Китай, о котором говорят больше всего, но и Бразилия, Индия и другие азиатские тигры, развиваясь в ускоренном темпе, устраняют перспективы мировой гегемонии Америки.

Истощение американской мощи и лидерских качеств рассматривается как геополитически реальное. США построили демократический послевоенный мировой порядок, однако сейчас покидают олимпийский пьедестал на международной арене, а их место занимает ряд быстроразвивающихся сверхдержав. Из-за прихоти администрации Д. Трампа этот процесс ускорился. Возникшую ситуацию выразила Международная конференция в Шангри-Ла (2017 г.) по вопросам безопасности в АТР следующим выводом: «70 лет назад госсекретарь США Дин Ачесон написал, что стал свидетелем возникновения мирового порядка, построенного по инициативе США. Тем не менее, если рассмотреть ситуацию вокруг НАТО, Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и Парижского соглашения, то сейчас мы стали свидетелями крушения мирового порядка по вине США».

Вопрос 6.3. Супердержавность США в новых условиях глобализации

Вопреки утрате единоличного лидерства в современном мире, США продолжают доказывать свое превосходство в отношении других стран и стремятся удержать главенство над евразийским континентом и другими частями мира. Стоит согласиться: США вправе претендовать на позиции государства – глобального лидера. Геополитические ресурсы страны: крупнейшая в мире экономика, колоссальный военный потенциал, в т. ч. ядерный, мощные политические козыри (влиятельное членство во множестве международных межправительственных организаций), масштабы территории, численность населения, огромное культурное воздействие позволяют сохранять лидерство на мировой арене.

Геополитическая стратегия Вашингтона основывается на сети стратегических союзов, блоков, баз, охватывающих весь мир, на контроле над лидерами, слежении за тенденциями и принятии превентивных мер. США как супердержава демонстрируют миру тотальную мощь, нередко вызывающую страх и беспокойство у многих народов за свою независимость. Сталкиваясь с эгоизмом американцев, так называемые «бедные нации» ведут себя по-разному, одни молча терпят диктат, другие пытаются протестовать, третьи надеются на радикальное улучшение международной обстановки, четвертые безропотно принимают правила предлагаемой игры.

Парадоксально, но подобно периоду холодной войны, супердержавность США прежде всего локализуется в стратегии соперничества с наследницей СССР – Российской Федерацией. Эксперты отмечают, что в последнее время США взяли курс на сдерживание и изоляция России. Госдепартамент официально отвергает такие предположения.

Известный политический аналитик Сергей Караганов выражает «абсолютную уверенность, что взятый американцами курс на сдерживание России в духе холодной войны и даже на отбрасывание (не надо путать со сдерживанием ядерным) наклеивался уже в течение последних лет. Это началось, когда в США поняли, что Россия не пойдет, как там надеялись, в русле общезападной политики. Этот курс стал совершенно

очевидным уже весной-осенью 2013 г.». Если прежде у кого-то оставались сомнения, то откровенно конфронтационные выпады накануне зимней Олимпиады в Сочи убеждали в существовании такого поворота.

Поэтому действия России, в особенности во время украинского кризиса, в известной мере – упреждающий удар: она тоже предвидела подобную конфронтацию. Вашингтон также убеждался, что политика умиротворения Кремля или простого взаимодействия уже не обеспечивает выигрыша. И Запад продолжал экспансию на зоны российских интересов, расширяя там свою зону влияния и контроля. В ответ Россия в силу своего характера и смелости открыто бросила Западу вызов. Генри Киссинджер считает проблематичным строительство отношений с Россией из-за ее имперского сознания. «Построение отношений между Россией и остальным миром, между Россией и нами – это огромная проблема. Потому что Россия на протяжении всей своей истории была империей и ее самосознание зиждется на имперских достижениях... И не в наших интересах доводить их до состояния «осажденной крепости», когда они решат, что им нужно показать на что они способны», – заключает он.

Все же Вашингтон вопреки мнению своего знаменитого геополитика инициировал санкционный режим против России в 2014 г. Геополитический замысел данного решения – продление супердержавности через изоляцию России и сохранение доминирования в Европе. Изоляция позволяет обосновывать расширение американского присутствия и усиление политического влияния в Европе, оправдывает американское манипулирование своими союзниками, повышает шансы евроатлантистов и ослабляет потенциал проевропеистов. Американские политические и экономические санкции – это инструмент получения выгод для США за счет союзников, переносящих главную тяжесть санкций.

Гегемония Соединенных Штатов Америки, действительно, идет на спад. Идущие перемены болезненны, несут угрозу лидерским позициям Вашингтона, а также международной системе, фактически им созданной и патронируемой. Домогаясь сохранить лидерство, США не приемлют нового, многомерного мирового порядка. В противовес ему выдвинули лозунг «многостороннего партнерства». Ставится геопрактическая цель: создать группу привилегированных и весомых партнеров для проведения совместных международных акций, сохранив таким путем лидерство за собой.

А в целом американскую геополитическую мысль ради удержания мирового лидерства можно свести к шести пунктам.

Пункт 1: санкции против России. Каким бы ни был их эффект на больших отрезках времени, в краткосрочной перспективе они лишь укрепляют позиции В. Путина внутри страны и вдохновляют российские великодержавные силы, особенно влиятельные в кругах военных и в спецслужбах. Санкционная политика чревата подрывом американского лидерства в мире.

Пункт 2: Украина. США хотят, чтобы Украина двигалась по западному пути, и поощряют ее отстаивать суверенитет и территориальную целостность. Однако Украина политически расколота и экономически разорена. Даже если сепаратисты будут побеждены, Украине потребуются 10-летия и миллиардные средства, чтобы восстановить государство и экономику. Хватит ли у Вашингтона терпения и ресурсов для этой задачи и не растеряет ли он лидерские ресурсы на Западе, если учесть, насколько глубоки его собственные социально-экономические затруднения?

Пункт 3: трансатлантическое сообщество. Как бы американцев ни завораживала Азия, очевидно, что ближайшим партнером США по-прежнему остается Европа. Ради сохранения лидерства Вашингтону следует не жалеть времени и сил на восстановление связей с европейцами, особенно с Германией. Необходимо завершить переговоры по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству США–ЕС. Доминантное стремление вести за собой Запад дополнительно высвечивает противоречия между Вашингтоном и Европой, а также между странами Евросоюза.

Пункт 4: Китай. Непосредственным следствием попыток Вашингтона загнать Москву в изоляцию стало возросшее стремление России развивать отношения с Китаем. Она больше не ведет переговоры с Пекином с позиций силы, и возникшие трудности с Западом ее только ослабляют. Китайцы, не колеблясь, этим воспользуются. В результате, наказывая Россию – соперника, не представляющего для США стратегической угрозы – Вашингтон играет на руку Китаю – главной стратегической проблеме Америки.

Пункт 5: глобальная экономика. Применяя экономические санкции, как удобный инструмент для обуздания противников, необходимо учитывать долгосрочные последствия их ввода против крупной экономики в той глобальной экономической системе, которую Америка создала после Второй мировой войны и которая стала основой ее процветания и мощи. Другие страны уже ищут способы защититься. Недавно государства БРИКС решили создавать альтернативы МВФ и Всемирному банку и активнее вести торговлю в собственных валютах – и это только начало (хотя и с сомнительной перспективой), но оно чревато ударом по экономическим позициям США.

Пункт 6: Россия. Это один из самых сложных трендов американской стратегии лидерства. Хотя Вашингтон и сдерживает российскую экспансию в Европе, Россия – однозначно полезный партнер США в процессах прекращения смуты на Ближнем Востоке, разрешения иранской ядерной проблемы и прекращения нестабильности в Афганистане после ухода американских сил. В долгосрочной перспективе она также может служить барьером для усиливающегося Китая. Если относиться к России как к противнику и вводить против нее жесткие санкции, можно излишне ослабить страну, а значит – и ее способность стать необходимым элементом глобального баланса, сохраняющего лидерские интересы Америки.

В итоге резонно утверждать, что от политики Соединенных Штатов, их отношения к происходящим переменам и согласия двигаться к многомерному миру будет зависеть во многом темп и направленность перемен, а в особенности то, как и в какой форме они будут происходить. И коль уж США претендуют на сохранение супердержавного статуса, они должны, прежде всего, чувствовать ответственность за общую судьбу мира, отказываться от гегемонистских устремлений заменяя их инструментами глобального лидерства, восстанавливать утраченный моральный авторитет и не искать путей своего выживания и процветания за счет других.

Тема 7.

Геополитическая трансформация под эгидой Европейского союза

Вопрос 7.1. Геополитические концепции структурирования европейского пространства

Европа является традиционным, бесспорно одним из наиболее влиятельных регионов мира. Это объясняется, с одной стороны, тем, что западноевропейскому сообществу, наиболее развитому на континенте, к началу XXI в. удалось достичь такого уровня сплоченности, когда политика отдельных государств, особенно ее внешнеполитический сегмент, мало чем отличается друг от друга. С другой стороны, влиятельность европейского сообщества на мировые проблемы исходит из экономической мощи этого региона, являющейся выражением консолидированного выбора прогрессивной экономической модели.

Стоило удивиться, если бы геополитическая мысль обошла стороной европейскую часть света. На современном этапе возрождение Европы связано тремя геополитическими школами: *прикладной геополитики, геополитики европейских «новых правых» и школы континентализма*. Каждая из школ привнесла ряд существенных элементов в геополитический каркас Европейского союза.

Прикладные аспекты возрождения Европы связаны с именем француза **Ива Лакоста** (р. 1943) – основателя журнала «Геродот», где в послевоенное время стали появляться его работы по геополитике. По его мнению, геополитические теории нужны только для оправдания соперничества за территории и их население. Это касается как региональных проблем, так и международных отношений в целом. По Лакосту геополитика – лишь способ исследования какой-либо ситуации, а концепции, составляющие эту отрасль знаний, относительно, обусловлены исторической целесообразностью.

Прикладной целью проекта Ива Лакоста было привнесение в геополитику критериев, являющихся неотъемлемой частью информационного общества. Согласно проекту, наиболее влияющими на геополитику информационными системами являются СМИ, в особенности телевидение. Его вывод: сегодня умами и мнением людей управляет яркий образ («имидж»), а не рационализм. Значительная доля общества формирует свои взгляды исключительно на основе информации, представляемой телекоммуникациями.

Движение в геополитике под названием *Европейские «новые правые»* появилось в конце 1960-х гг. во Франции и ассоциируется с его лидером **Аленом де Бенуа**. Он представил проект будущего европейского пространства. Один из основополагающих постулатов концепции «новых правых» – принцип «континентальной геополитики». А. де Бенуа полагал, что централистское государство-нация исчерпало себя как реалья и что будущее за «большими пространствами». Причем базисом «больших пространств» будут не объединения государств в некий политический блок, а вхождение разномасштабных этносов в объединенную «Федеральную империю» на общих условиях. «Федеральная империя» должна обладать единой стратегией и быть дифференцированной этнически. При этом единство стратегии должно цементироваться общностью культурных традиций.

«Большое пространство», которым больше всего интересовался де Бенуа, – Европа. По воззрениям «новых правых», у европейских народов общее индоевропейское происхождение, общее прошлое. Эти воззрения получили название принципа «общего прошлого». Однако стратегическая и экономическая интеграция, являющаяся атрибутом современной эпохи и необходимая для обладания геополитическим суверенитетом, продиктована перспективой объединения по прагматическим причинам. Благодаря этому

европейцы объединятся «общим будущим». Из чего Бенуа заключает: основным принципом геополитики должен быть тезис «Единая Европа ста флагов».

Основой для геополитических тезисов А. де Бенуа стала концепция «континентальной судьбы Европы» на основе ее единства как ключевого принципа. Из этого вытекало свойственное «новым правым» противопоставление геополитических концептов «Европа» и «Запад». Прототипом Запада и западной цивилизации для него выступали США и их культура чрезмерного массового потребления; потенциально данная цивилизация способна противостоять европейской.

Убеждения «новых правых» относительно России претерпели некоторые изменения. Тезис советского периода «Ни Запад, ни Восток, но Европа» планомерно модифицировался в постхолодновоевропейский период в слоган «Прежде всего Европа, но лучше с Востоком, чем с Западом».

Преданность Европе как пространству воплотилась в более четкую *концепцию континентализма*. Вариант данной концепции предложил **Жан Тириар** (1922–1992), бельгийский писатель, политик, теоретик европейского национал-большевизма. Начиная с 1960-х гг., он являлся идейным лидером европейского радикального толка «Юная Европа».

Ж. Тириар базировал свою доктрину на принципе «автаркии больших пространств». Он применил его к современному миропорядку и сделал вывод, что всеобщее лидерство европейских государств будет безвозвратно утеряно, если те не сплотятся в единой Империи, которая сможет противостоять США. Тириар полагал, что эта Империя не может быть федеральной и регионально ориентированной, а всецело централистской, унифицированной и якобинской моделью. Она должна стать сильным континентальным Государством-Нацией.

В конце 1970-х гг. концепция Тириара эволюционировала. Исследуя сложившуюся ситуацию, он пришел к заключению, что Европа уже не сможет бороться с американской талассократией. Поэтому важнейшим требованием для «европейского освобождения» являются тесные связи Европы с СССР. Так зародилась концепция «Евро-Советской Империи от Владивостока до Дублина». Он утверждал, что «католической церкви предпочитает КНБ».

Взгляды Тириара были близки австрийцу **Йордису фон Лохаузену**, по мнению которого устойчивая политическая власть возможна только в случае, если управленцы мыслят не локальными категориями, а «тысячелетиями» и «континентами». Его труд так и называется «Мужество властвовать. Мыслить континентами».

Вопрос 7.2. Основы геополитической безопасности ЕС

Угрозы – это не только климатические явления; чаще всего они становятся следствием расчета людей. На такие расчеты серьезнейшее влияние оказывают представления о готовности и способности противоположной стороны оказывать сопротивление. Короче говоря, если в геостратегическом плане не относиться серьезно к безопасности и обороне, то угрозы вполне превращаются в реальность.

Способность Евросоюза оказывать сопротивление разного рода угрозам регламентируется Общей европейской политикой безопасности и обороны (ОЕПБО). Это

направление его деятельности – одно из наиболее динамично развивающихся в начале XXI в. В настоящее время ОЕПБО выступает одной из главных составляющих европейской системы коллективной безопасности.

Развитие ОЕПБО прошло 4 этапа. *Первый* этап – формирование правовых основ ОЕПБО (1993–1998). Маастрихтский договор включил в компетенцию ЕС вопросы формирования общей оборонной политики и общей обороны государств-членов.

Второй этап – конкретизация и детализация правового регулирования ОЕПБО в правовых актах институтов ЕС (1999–2002). Начиная с 1999 г. институтами ЕС издан комплекс документов, которые подробно регламентировали условия и порядок проведения Европейским союзом военных операций и иных мероприятий в рамках ОЕПБО. Был установлен правовой статус специализированных органов и учреждений ЕС в военно-политической сфере.

Третий этап ознаменовался началом практической реализации ОЕПБО (2003–2009). Предпринятые на втором этапе усилия нашли подтверждение в Ниццком договоре 2001 г., вступившем в силу в 2003 г., а также в Европейской стратегии безопасности 2003 г. Благодаря Ниццкому договору, Европейский союз приобрел право самостоятельного осуществления военных операций. Уже с 2003 г. он самостоятельно проводил операции по урегулированию кризисов. Этот этап ознаменовался такой новой чертой в интеграционном процессе, как интеграция и сотрудничество в военно-технической сфере.

Четвертый этап развития ОЕПБО связан с вступлением в силу Лиссабонского договора (1 декабря 2009 г.). Данный договор о реформе ЕС расширил и конкретизировал полномочия ОЕПБО.

В рамках ОЕПБО на данный момент ЕС не занимается исключительно проблемами оборонного характера на собственном пространстве, а трактует геополитическую безопасность расширительно, охватывает, кроме них, такие сферы, как:

- миротворчество и иные операции по урегулированию кризисов, проводимые военными или невоенными средствами;
- формирование Сил быстрого реагирования ЕС для проведения различного рода миссий в третьих странах;
- модернизация военной техники, мероприятия в области военного образования и др.

Для реализации ОЕПБО сформирован разветвленный институциональный аппарат. В него входят: Комитет по вопросам политики и безопасности, Военный комитет и Военный штаб Европейского союза, Спутниковый центр ЕС, Институт по исследованиям проблем безопасности ЕС и др.

Современная доктрина европейской безопасности переносит акценты союзничества в военно-политической сфере с проблем создания «классических» военных структур на развитие механизмов решения задач, связанных с активным (в том числе и военным) вмешательством в урегулирование кризисных ситуаций как на европейском континенте, так и в других регионах мира. Центральным направлением ЕПБО является миротворчество, поддержание мира и проведение операций по урегулированию кризисов.

Не просчитанной ранее проблемой геополитической безопасности ЕС оказалось то, что расширение ОЕПБО привело к ограничению роли НАТО, утратившей монополию на проведение миротворческих операций в евроатлантическом регионе из-за создания Евросоюзом собственных Сил быстрого реагирования. Это привело к нежелательному для

Запада свертыванию функций Альянса. Все же очевидная военная зависимость ЕС от НАТО сохранена и проявляется в том, что Евросоюз использует для проведения собственных военных операций Генеральный штаб объединенных вооруженных сил НАТО в Европе. Между этими образованиями заключены соглашения «Берлин плюс» от 17 марта 2003 г.

Проблему геополитической безопасности ЕС потенциально создает уклонение европейских лидеров от призывов Америки увеличить военные расходы. Евросоюз встал на путь самостоятельного противостояния России, но при этом по-прежнему прячется под крылом Америки, которая несет основное финансирование затрат на его защиту. В этом смысле кризис в Украине должен стать для ЕС сигналом тревоги. Тревожный сигнал, ассоциирующийся с угрозой безопасности Евросоюзу, подают и США, ослабляя влияние собственной европейской политики. Эти тенденции объясняются:

- стремлением США решать международные проблемы с помощью силы в одиночку, игнорируя суверенитет тех стран, которые с американской точки зрения, представляют угрозу США;
- неприятием Европой принципа единоличного лидерства США и поддержкой ею многополярности современного мира;
- ростом разногласий в оценке моделей социально-экономического развития (США – капитализм в классическом воплощении; в Европе социально-демократическая модель);
- уменьшением значимости Европы в списке приоритетов американской внешней политики и национальной безопасности;
- смещением интересов США в сторону внеевропейских регионов (Азиатско-Тихоокеанский регион, Центральная Азия, Ближний Восток);
- ослаблением американского влияния на Европу в связи с растущей оппозицией военным кампаниям США в Ираке, на Ближнем Востоке, острой критикой американской администрации и падением ее рейтинга, что приводит к уменьшению политических ресурсов США в Европе;
- осознанием европейским сообществом усиления роли своего континента на фоне ее падения для США.

Стержнем искомого достижения Европой равносубъектного положения в союзе с США выступает Германия. Ее влияние на континенте, вероятнее всего, будет расти и за счет расширения связей с новообращенными членами Евросоюза. В сотрудничестве с Францией ей по силам играть ведущую роль в формировании консенсуса и баланса интересов больших и малых наций Европы. И если Европе суждено рано или поздно, оставаясь на платформе тесного, даже привилегированного сотрудничества с Соединенными Штатами, встать все же на путь более самостоятельной политики, то движущей силой данного процесса будет Германия. (Этот вероятный тренд старается постоянно учитывать Россия, конечно, в своих интересах).

Европейскому союзу нужна новая стратегия. Он должен заново проанализировать, как меняется мир и разработать новые принципы и доктрины при проведении своей внешней и оборонной политики. При этом стоит отказаться от иллюзий о действенности мягкой силы и заведомой готовности крупных держав быть «ответственными и заинтересованными игроками» в разработанной Западом международной системе.

Евросоюзу следует отказаться от предпочтений обратиться вовнутрь, сосредоточиться на наведении порядка в своих экономических делах и защите своих

границ. Отстраненность и отказ ряда стран-членов от стремления определять события в мировом масштабе – стратегическая ошибка европейцев с серьезными последствиями. Так, реальные уроки Украины, а также неспособность Европы воспользоваться благоприятными возможностями арабской весны для воздействия на ближневосточные события указывают на то, что хваленая «мягкая сила» ЕС в действительности не имеет большого веса.

Экономический кризис 2008 г. снизил возможности ЕС отстаивать интересы и продвигать свои ценности в мире. В поведении европейских стран и дипломатов слаб тренд на безопасность, преобладает меркантилизм их лидеров, которые дерутся между собой в Пекине и в странах Персидского залива за инвестиции и экспортные заказы. Если США видят в Азии проблемы безопасности, то европейцы замечают там только огромный рынок. Германия поставляет туда оружие, как будто это просто дорогие станки.

Благополучие Евросоюза зависит от способности требовать свободной и справедливой торговли, сохранять доступ к сырью и настаивать на экологических и социальных стандартах в бизнесе. Словом, он обязан, прежде всего, сосредоточиться не на контрактах и инвестициях, а утверждать свое влияние и ценности. А для этого нужна военная мощь. Лидерам ЕС не нужно прибегать к дипломатии канонеров при решении каждого политического спора, однако они должны практически разбираться в том, как действуют вооруженные силы в качестве инструмента государственного управления.

Ряд проблем геополитической безопасности Евросоюза сводится к риторическому вопросу «Европа – наш общий дом?» Ведь в дефиниции ЕС Европа в последние 10-летия стала новым и доминирующим региональным фактором. После 1997 г. Евросоюз расширил свои горизонты, оформив у себя членство стран Средней Европы. Последние трактовали это «возвращением в Европу», отождествляя ЕС с общеевропейским домом. Конечно, это уже не был «общий европейский дом» с Советским Союзом. Но вопреки отношению европейцев к современному российскому государству оно тоже стало доказывать свою принадлежность к Европе и претендовать на европейские стандарты.

В результате общность европейского дома вызвала сомнения именно у Брюсселя. *Геополитическую неустойчивость для ЕС* создают два фактора. Первый – внешний: Россия, заявившая о праве на европейские ценности, добивается их корректировки в соответствии со своими представлениями, интересами, традициями. Второй – внутренний: после расширения на восток Евросоюз постепенно осознал, что он не такой, как прежде. Пополнившись восемью новыми членами, ЕС стал более разнородным в социальном, культурном и региональном отношениях. Возникающий дисбаланс предопределяет разбежность интересов и предпосылки расхождения взглядов. Неудача с Европейской конституцией подтверждает, что смена идентичности Союза не произойдет безболезненно. Прозвучали голоса, требующие больше национального суверенитета и нарушающие единство внешней политики. Обсуждается даже отказ от общей валюты.

Итак, проблемы геополитической безопасности ЕС усиливают внутренние тенденции развития самого этого объединения. Среди них можно обозначить:

а) биполяризацию политического поля стран Евросоюза, что выражается в предпочтениях электората государств ЕС правоцентристским и левоцентристским силам. Утрата авторитета центристских сил свидетельствует о преобладании деструктивных политических настроений среди избирателей;

б) неудачу принятия Конституции ЕС с последующим утверждением его урезанного аналога в виде «Реформированного договора» (одобрен в ходе Лиссабонской неформальной встречи лидеров ЕС и 13.12.2007 утвержден на саммите Евросоюза);

в) замедление процесса расширения Европейского союза (страны Балкан и Турция могут, в лучшем случае, надеяться на присоединение к сообществу «в среднесрочной или долгосрочной перспективе»). Ни одно из постсоветских государств, включая Украину, Брюссель не рассматривает реальным кандидатом на вступление в обозримом будущем);

г) усиление секуляризационных (Великобритания), сепаратистских тенденций и регионального национализма среди отдельных членов ЕС (Бельгия, Испания).

д) раздоры между Брюсселем и рядом стран-членов, появившиеся весной 2014 г., по поводу требований Евросоюза заморозить строительство российского газопровода «Южный поток» – явно более жизнеспособного и конкурирующего с западноевропейским Nabucco проекта газопровода, который должен пройти через юг и восток Европы, и ветки которого должны дотянуться до Австрии и Италии. Суть раздоров: «Южный поток» создает для ЕС энергетическую неустойчивость и зависимость от России, но в нем экономически заинтересованы страны, по которым запланирована его прокладка.

В сравнении с достигнутым мировым уровнем экономического влияния геополитическая безопасность Евросоюза остается несбалансированной и неустойчивой.

Тема 9.

Геополитическая ориентация стран Южной, Юго-Западной и Юго-Восточной Азии

Вопрос 9.1. Тенденции в региональной геополитике АТР

Основные тенденции региональной политики в АТР связаны с его возрастающим весом и ролью на международной политической и экономической арене. Осознание своей значимости в мире способствует сближению политических и экономических позиций стран данного мегарегiona и выработке общих подходов в решении не только региональных, но и международных проблем.

Потому основной политической тенденцией можно выделить *возрастание консолидации внутрорегиональной политики АТР и ее влияния на решение мировых проблем*. Свидетельство такой политической консолидации – решения Сиднейского саммита Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества (АТЭС; сентябрь 2007 г.). В ходе саммита и других встреч государственных руководителей, а также научных форумов выработаны и согласованы подходы по следующим основным вопросам:

а) достигнуто единство взглядов на проблемы мира и безопасности в регионе, построение архитектуры современного мира, базовым элементом которой названа многополярность. Подчеркнута значимость АТР как «локомотива» в отстаивании и применении этого фундаментального принципа. Осуждена практика односторонних действий и решений на мировой арене;

б) достигнут консенсус по проблеме поэтапного построения универсальной общерегиональной системы безопасности. В качестве основных ее механизмов названы региональные и субрегиональные институты сотрудничества и интеграции, в частности,

такие авторитетные межгосударственные и неформальные структуры, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Региональный форум АСЕАН (АРФ), Форум «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС); отмечена роль этих организаций в углублении регионального антитеррористического сотрудничества, борьбе с организованной преступностью, торговлей людьми.

Препятствием в обеспечении безопасности в этом субрегионе выступает антипод консолидации: неурегулированность межгосударственных и внутригосударственных конфликтов, происходящих практически во всех его странах: Пакистан – активизация исламских радикалов, обострение обстановки в связи с антиправительственными выступлениями оппозиции; Шри-Ланка – накал вооруженного противостояния между правительством и тамильскими сепаратистами; Бангладеш – режим чрезвычайного положения и неопределенность перспектив политической власти; Непал – незавершенность радикальной политической реформы, связанной с попыткой бывших мятежников маоистов встроиться в структуры власти; новый член СААРК Афганистан – активизация формирований талибов; Индия и Пакистан – усиление трансграничного терроризма и нерешенность Кашмирской проблемы. Бутан и Мальдивы отличаются меньшим количеством проблем;

в) достигнут относительный консенсус по вопросам нераспространения ядерного оружия, особенно в оценке ядерных испытаний в КНДР, квалифицированных как «действия, представляющие угрозу международному миру» (за эту формулировку проголосовали 23 государства АТР).

Вместе с достижением взаимопонимания по ряду вопросов экономики, политики, безопасности, остаются многочисленные нерешенные, а где-то и неразрешимые проблемы. Наиболее острые из них: во-первых, перенаселение. В ряде стран Ближнего и Среднего Востока и Южной Азии – Индии, Афганистане, Пакистане, Бангладеш, Египте, Иране – перенаселение уже сегодня выглядит неразрешимой геополитической проблемой. Во-вторых, бедность. Основные социальные проблемы, присущие современным странам Южной Азии – нехватка продовольствия, из-за чего за чертой бедности проживают до 25 % и больше населения; странам Ближнего и Среднего Востока – дефицит водных ресурсов (пресной воды), отрицательно влияющий на материальное положение населения и вызывающий межгосударственные конфликты. В-третьих, экстремизм. Он оказался в значительной мере производным от первых двух проблем, ибо перенаселенность и связанные с ней бедность и безработица порождают огромное социальное напряжение в обществе. В этих условиях становятся привлекательными экстремистские идеи и популярными радикальные политики.

В-четвертых, не менее остры для мегарегиона проблемы безопасности. Крайне неблагоприятной, с точки зрения ядерного нераспространения, наряду с КНДР, остается Южная Азия, где де-факто ядерные государства Индия и Пакистан сохраняют большой риск межгосударственных вооруженных конфликтов. Развернувшееся между ними интенсивное соперничество в ракетно-ядерной области фактически не контролируется мировым сообществом. В Индии и Пакистане накопились значительные запасы оружейных расщепляющих материалов и продолжается интенсивная их наработка (например, Индия производит ежегодно около 30 кг оружейного плутония, а его общие запасы 225-370 кг достаточны для производства 50-90 ядерных боезарядов). Особую

опасность представляет угроза попадания ОМУ Пакистана в руки террористов. Не снята и проблема разработки ядерного оружия в Иране.

АТР отличается от остальных регионов ярко выраженным разнообразием в уровне развития отдельных его государств, благосостояния их народов, своими политическими и экономическими интересами. Несмотря на наличие разнообразий, в регионе выделяются общие тенденции, присущие отдельным его субрегионам. С этой точки зрения АТР можно подразделить на: **а)** восточно-азиатский субрегион, **б)** южно-азиатский субрегион и **в)** западно-азиатский субрегион, включая Ближний Восток (страны Центральной Азии и Россия не рассматриваются его частью).

Среди общих субрегиональных тенденциях можно назвать две основные:

- во-первых, возрастание геополитического влияния субрегиональных акторов на состояние АТР как целостности. Степень такой влиятельности различна и зависит от ряда факторов (состояние экономики, военный потенциал, этнические и межгосударственные отношения и т. д.). Одни из них положительно влияют на общее развитие региона и его роль на мировой арене (высокий экономический и военный потенциал), другие – отрицательно (военные и этнические конфликты, слабо развитая экономика и т. п.).

В этой связи наиболее влиятельным можно назвать восточно-азиатский субрегион, включающий такие мощные экономические и военные государства, как Китай, Япония и Южная Корея. Характерными проявлениями его субрегиональной политики являются снижение уровня напряженности и соперничества между главными игроками этого субрегиона – Китаем и Японией, а также складывание взаимопонимания и отношений между двумя корейскими государствами – КНДР и Республикой Корея.

Вторым по значимости в АТР является южноазиатский субрегион. Его влияние определяется не только тем, что здесь проживает почти 1,5 млрд чел. (около 19,5 % населения планеты), но и ролью в формировании региональной политики в целом.

Наиболее влиятельным государством южного субрегиона является Индия, которая превращается в важный фактор в стратегическом соотношении сил в Азии и мире. Именно Индия наряду с Китаем, Японией и Южной Кореей, определяют всю региональную политику АТР.

- вторая тенденция субрегионального уровня – острейший кризис, который переживает огромная территория, протянувшаяся от Атлантического побережья Африки до Пакистана. Наиболее взрывоопасным и в этой связи тормозящим позитивные процессы в АТР продолжает оставаться западный субрегион. Гражданская война в Сирии, война в Афганистане, неурегулированность израильско-палестинского конфликта, нерешенность курдской проблемы, напряженные отношения между рядом государств этого субрегиона и т. п. заставляют региональных политиков и международные организации держать данный субрегион в центре своего постоянного внимания.

Субрегион Персидского залива остается основным поставщиком энергоресурсов для стран Южной Азии. Потому становится понятен геополитический феномен в позиции этих стран, активно выступающих за урегулирование военных конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке. Объясняется он тем, что из-за дестабилизации обстановки в данном субрегионе ставятся под удар надежность поставок энергоресурсов в страны Южной Азии. И одновременно этот стратегический ресурс развития экономики обусловил

региональное соперничество стран Южной Азии между собой за более выгодные закупки энергоресурсов.

Таким образом, очевидное перемещение мировых центров силы в АТР носит весьма парадоксальный характер: ему сопутствует не только процесс глобального перераспределения сфер влияния, но и непреодолеваемая нестабильность большинства государств данного мегарегиона. Всё вместе взятое обуславливает как неустойчивую региональную геополитику, так и неизбежную тенденцию сохранения (вероятно – и нарастания) конфликтогенности как наиболее зримого маркера глобализма XXI в.

Вопрос 9.2. Геополитические факторы развития Индии и ее роль в современном модернизировании мира

Наиболее влиятельное государство в южноазиатском субрегионе – Индия. Из общего числа населения планеты в 7,7 млрд чел. (май 2019 г.) 15,6 % человечества проживают в Индии. Индия играет заметную роль в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии и Всемирной торговой организации. Выступает активным участником в миротворческих миссиях ООН: более 55 тыс. индийских солдат приняло участие в 35-ти операциях по поддержанию мира на четырёх континентах.

На внешнеполитической арене индийское правительство направляет усилия на улучшение взаимоотношений с США, Китаем и Пакистаном. Ее двусторонние отношения можно оценить так: а) активно сотрудничает со странами ЕС, Россией, Израилем, некоторыми монархиями Персидского залива; б) установила отношения стратегического союзника с США. Но вряд уместно считать Дели только «голубем мира». Несмотря на критику и военные санкции, Индия постоянно отказывается подписать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и Договор о нераспространении ядерного оружия, предпочитая взамен поддерживать полный контроль над своими ядерными программами. Она располагает примерно 50-ю ядерными боеголовками (8-е место по их количеству среди ядерных держав) и только условно в мае 1998 г. присоединилась к «ядерному клубу» мировых государств.

В экономической сфере Индия имеет близкие взаимоотношения с другими развивающимися странами Южной Америки, Азии и Африки. А укрепить с начала XXI в. собственные региональные и мировые позиции помогли Индии такие экономические и научно-технические особенности развития, как а) рыночные преобразования в 1990-е гг.; б) устойчивый рост экономики (6-7 % ВВП ежегодно); в) лидирующие мировые позиции в развитии информационных технологий.

Между Индией и Россией поддерживаются разнообразные связи и определённое единство подходов к политическим проблемам современности. Конкретными примерами успешного двустороннего сотрудничества в сфере энергетики служат индийские инвестиции в нефтяной проект «Сахалин-1» и содействие России в строительстве атомной электростанции в Куданкуламе в южноиндийском штате Тамил-Наду. Выполняются совместные проекты по реализации космической программы. Совместно разработаны и производятся сверхзвуковые крылатые ракеты «Брамос», разрабатывается перспективный комплекс фронтовой авиации – истребитель пятого поколения.

Особого внимания заслуживает взаимодействие Индии и Китая – соседей и быстроразвивающихся сверхдержав – связанных довольно непростыми отношениями. Торговый оборот между ними ежегодно растет с головокружительной скоростью. В 2015 г. он достиг 100 млрд долл. Растут китайские инвестиции в индийскую экономику.

Двух азиатских гигантов сближает большое количество общих интересов на международной арене. Они сотрудничают в рамках таких международных организаций и механизмов, как БРИКС, ШОС. Как геополитическая гипотеза нередко обсуждается возможность стратегического партнёрства России, Индии и Китая – треугольника «Москва–Дели–Пекин». Подобное сотрудничество способствовало бы созданию многополярного мира. Однако планы создания альтернативного «треугольника» (во главе с США) существуют и в Вашингтоне, где Индию рассматривают как потенциальный противовес всё возрастающей роли КНР в современном мире.

Объединив усилия, Индия и Китай осуществляют друг с другом взаимодействие, решая такие вопросы, как преодоление международного финансового кризиса, проблемы с климатическими изменениями, борьба с терроризмом, обеспечение энергетической и продовольственной безопасности.

Однако проблемы в двусторонних отношениях остаются – прежде всего, в военной и политической сферах. К оценке современного состояния индийско-китайских отношений применима формула «соперничество за доминирование в Южной Азии». Индию давно беспокоят стремительное развитие и перевооружение КНР. Дели тревожит усиление влияния Пекина в Индийском океане. В свою очередь, беспокойство Китая вызывает военное сотрудничество Индии с США, которые не приемлют стремительного укрепления КНР и стремятся создать достаточный геополитический перевес Поднебесной.

Отсутствие доверия между обоими государствами – это последствия китайско-индийской пограничной войны 1962 г. В центре разногласий оказалась так называемая линия Макмахона, представляющая собой неточную извилистую границу, проведенную в 1914 г. британскими колониальными властями и местным тибетским правительством. Центральное правительство Китая отказалось признавать эту линию. КНР нанесла Индии унижительное и сокрушительное поражение в ходе конфликта. После этого Китай стал для Индии врагом № 1. В конце 1980-х гг. тенденция к восстановлению добрососедских отношений не смогла стереть из памяти индийцев и китайцев отголоски этих событий. И сегодня зримые шаги КНР в Южной Азии и АТР по-прежнему приковывают обостренное внимание индийских аналитиков.

Сегодня Индийский океан – зона возрастающей военно-экономической активности. Основные изменения ситуации обусловлены активизацией азиатских гигантов – Китая и Индии. Здесь наметилось нездоровое соперничество за наращивание их собственной экономической и военной мощи. Дели считает, что Индийский океан – это традиционная сфера его влияния. Естественно, растущая сила Китая в этом регионе вызвала серьезную озабоченность в Индии. Ее особое недовольство – китайская экономическая экспансия в такие страны Южной Азии, как Пакистан, Бангладеш, Мьянму.

Несмотря на улучшение отношений с Китаем, Индия в 2010-е гг. ускоренными темпами наращивает свой ракетно-ядерный потенциал на материке и военно-морские силы в Индийском океане, одновременно усиливая стратегический интерес к Южно-Китайскому морю и Молуккскому проливу. Между тем надо признать, что военные

возможности Китая в Индийском океане невелики. Присутствие его ВМС ограничивается защитой путей снабжения и граждан, как это имело место у берегов Сомали и Ливии, и не нацелены на активные действия военного характера. Китай пока не в состоянии держать значительные военно-морские силы на значительном удалении и на постоянной основе. Тем не менее, у определенной части индийской элиты не исчезает тревога, что Китай проводит курс на создание кольца агрессии вокруг Индии.

Специфика индо-китайских военно-политических отношений характерна рядом других факторов, детерминирующих конфликтный потенциал. Прежде всего, это пограничная проблема. Для ее решения стороны прилагают очевидные усилия. После политических переговоров напряжение в пограничных районах снизилось. Сами переговоры начались еще в 1980-х гг. А в 1993 и 1996 гг. подписаны соглашения, призванные обеспечить там мир и стабильность. В 2003 г произошли взаимные территориальные признания: правительство Индии признало Тибет неотъемлемой частью китайской территории, а Китай признал Сикким частью Индии. Однако в индийских СМИ периодически появляются сообщения о конфронтации между китайскими и индийскими пограничниками. Сущность постоянных инцидентов на границе в том, что линия фактического контроля официально никогда не была демаркирована. Имеется немало спорных мест, которые обе стороны считают своей территорией; из-за этого часто происходит столкновение патрулей обеих стран.

Противостояние между Индией и Пакистаном продолжается уже более полувека, что подстегивает взаимную гонку вооружений, заставляет концентрировать на границе крупные группировки сил. Индия участвовала в трёх военных конфликтах с Пакистаном, в основном из-за спорной территории Кашмира. Другие столкновения между двумя странами произошли в 1984 г. из-за ледника Сиачен и Каргильская война 1999 г.

В военно-политической сфере Индия также обеспокоена тем, что Китай оказывает военную поддержку Пакистану. Пекин является крупнейшим поставщиком вооружений Пакистану, активно участвует в модернизации его вооруженных сил. Правда, в начале 2000-х гг. КНР заняла более нейтральную позицию по индо-пакистанскому противостоянию в Кашмире и стремится вести более конструктивный диалог с Индией. Все же Дели высказывает открытое недовольство продолжающимися инвестициями Китая в порт Гвадар и сотрудничество с вооруженными силами Пакистана.

Что касается международного контекста индо-китайского военно-политического взаимодействия, то обе стороны консолидировано выступают за достижение политической стабильности в Афганистане, подчеркивая в этом собственную заинтересованность.

Заключая изложение вопроса, важно подчеркнуть, что проводя традиционную миролюбивую внешнюю политику и придерживаясь доктрины Неприсоединения, Индия одновременно стремится достичь положения региональной сверхдержавы. Наиболее чувствительная для нее сфера – индийско-китайские отношения. В них есть разногласия и трудности, но нет предрасположенности, что они должны быть противниками. Важно и то, что от взаимоотношений Индии с КНР во многом зависит поступательное развитие глобального экономического и политического пространства.

Вопрос 9.3. Афгано-Пакистанская геополитическая зона

Согласно теории геополитики Афгано-Пакистанское пространство находится в зоне мира, называемой римленд. В контексте глобального противопоставления теллуократии и талассократии римленд играет роль пространства, на котором эти два могущества сталкиваются, то есть по зоне их соприкосновения проходят линии фронта.

Когда после окончания глобальной холодной войны формировался новый мировой порядок, это пространство приобрело самостоятельное геополитическое значение. Во-первых, в римленде расположены страны, принадлежащие к различным цивилизационным группам; во-вторых, среди них есть сильные в военном отношении региональные державы со своими геополитическими амбициями; в-третьих, именно в римленде все ярче проявляются признаки новых, региональных разновидностей холодной войны, включая вероятность распространения ядерного и другого оружия массового поражения.

В зоне римленда особо выделилась «тройка» государств западно-азиатского субрегиона – Иран, Афганистан и Пакистан. Военно-политические, экономические, культурные процессы в этих странах (и вокруг них) будут иметь решающее значение в архитектуре региональной составляющей нового миропорядка. В определенном смысле эту зону можно ассоциировать с зоной Средиземноморья. Справочно: как известно, регион Средиземного моря имеет для Европы особое значение с точки зрения ее безопасности и общеевропейского процесса в целом. Во всех многосторонних документах, принятых европейскими странами, например, в документах ОБСЕ, этот регион упоминается отдельно и подчеркивается его важность в сохранении европейской стабильности и безопасности, а также в развитии межгосударственного сотрудничества на континенте.

Аналогично для обширного региона СНГ и, особенно – макрорегиона Центральной Азии и Кавказа, зона расположения Ирана, Афганистана и Пакистана приобрела новое значение после разрушения СССР и последующей геополитической трансформации всего постсоветского и западно-азиатского пространства. В центре этой особой зоны находится Афганистан, где около 30 лет не прекращается война. Здесь столкнулись интересы соседей, региональные амбиции и противоречия крупных держав.

Интересы США в Афганистане. О целях Соединенных Штатов Америки в Афганистане сложилось два мнения. Согласно первому, официальному, в 2001 г. она пришла в Афганистан бороться с международным терроризмом в лице «Аль-Каиды» и «Талибана» (а известно, что движение моджахедов появилось в свое время отчасти из-за «помощи» США). Вторая точка зрения (подавляющего большинства западных экспертов): Афганистан, имеющий великолепное геополитическое расположение, нужен Вашингтону для контроля своих основных соперников на Востоке – Ирана, России и Китая, – через укрепление влияния в Центрально-Азиатском регионе.

Операция длилась больше десяти лет и показала, что американцы не решили в Афганистане заявленных задач по уничтожению материально-технической базы и духовных мотивов терроризма. Напротив, сегодня талибы по различным оценкам, контролируют от 40 до 60 % территории Афганистана, экономика страны в прямом смысле слова стала наркозависимой (с 2001 по 2011 гг. рост производства наркотиков в Афганистане увеличился в 40 раз, составляя около 93 % мирового производства героина). И пресечь производство опиума в Афганистане с целью обуздания наркобизнеса не удастся, ибо выращивание опиума – основная сфера деятельности многих крестьянских семей Афганистана. Она приносит большой доход местной знати.

Нестабильность региона и продолжающаяся деятельность талибов и их союзников на севере Афганистана дает американцам повод расширять свое влияние на страны Центральной Азии через строительство военных баз, вливания денежных средств в пограничную безопасность и т. п. под предлогом укрепления безопасности региона. Потеря контроля по управлению Афганистаном со стороны национальных и международных структур чревата угрозой распространения вооруженного конфликта по всей территории Афганистана и на сопредельные страны. В современных условиях с необходимостью контроля спорить сложно, однако бесспорно, что он открывает перед США возможности реализовать свои геополитические интересы, в первую очередь, по ослаблению влияния России в Центральной Азии. При таком подходе заинтересованность США в сохранении нестабильности в Афганистане выглядит вполне очевидной.

Проблема геополитического равновесия Пакистана. В игре за будущее Афганистана активно участвуют все сопредельные страны. И даже не имеющие с ним общей границы (Россия и Индия), считают его важным элементом собственной безопасности и своих региональных стратегических интересов. И что самое важное: почти каждый из этих игроков уже обладает в Афганистане союзниками, которым он оказывает поддержку и благодаря которым надеется оказать влияние на ситуацию в этой стране.

Больше других возможностей в этом плане есть у Пакистана, открыто поддерживающего талибских мятежников. Однако Исламабаду нужно сохранять осторожность, чтобы не допустить слишком быстрой победы талибов в Афганистане, так как это таит опасность для территориальной целостности и стабильности самого Пакистана. Уязвимость его руководства из-за продолжения вооруженного конфликта в Афганистане проявляется тройко. Во-первых, если радикальные исламские организации одержат хотя бы частичную победу в Афганистане, они – в условиях неустойчивой президентской власти Пакистана – смогут развязать там внутренний конфликт. Во-вторых, уже сегодня радикальные организации Пакистана обвиняют руководство страны в сотрудничестве с «неверными» (с Западом) при проведении военной операции в Афганистане. В-третьих, афганские пуштуны после захвата Кабула и усиления в Афганистане (или по крайней мере в его южной и восточной части) могут предпринять попытку вернуться к старой, восходящей к XIX в., идее суверенного Пуштунистана, простирающегося по обе стороны современной афгано-пакистанской границы (так называемой Линии Дюранда), т. к. власть Исламабада над пуштунами номинальна.

Правительство Пакистана накануне ввода советских войск в Афганистан (декабрь 1979 г.) стояло перед угрозой экономического и политического банкротства. Получив статус «прифронтового государства», Исламабад стал донором крупномасштабной военно-экономической помощи США и Саудовской Аравии. Американский президент Р. Рейган пошел на беспрецедентный шаг – оказание помощи Пакистану в обход конгресса и законодательства, запрещающего поддержание государств, ведущих разработку ядерного оружия. И недалеко от границ СССР (сейчас – России) сложилось сильное в военно-политическом плане государство, оснащенное современным вооружением, что привело к существенному изменению соотношения сил в регионе, где Пакистан, по сути, защищал интересы американцев.

Роль и место Пакистана в западно-азиатском субрегионе и будущее страны оценивается по-разному. С одной стороны, его нередко относят к разряду «провальных»,

несостоявшихся государств, называют «больным человеком Азии», очагом исламского экстремизма и терроризма, этнического сепаратизма. С другой – считают растущей экономикой, крупнейшим по населению мусульманским государством, средоточием военной силы, обладателем быстро растущих арсеналов ядерного оружия.

Удачное испытание ядерного оружия при содействии КНР в мае 1998 г. позволило Пакистану стать фактическим членом «ядерного клуба» мировых держав. Но обладание Пакистана ядерным оружием (сейчас имеет до 100 ядерных боеголовок, занимая 6-е место среди ядерных держав) вызывает особые опасения в мире: подобно Дели, Исламабад постоянно отказывается подписать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и Договор о нераспространении ядерного оружия. Кроме того, его контроль над ядерным арсеналом настораживает мир из-за нестабильности центральной власти в Исламабаде и угрозы расползания афганского конфликта на пакистанскую территорию.

Пакистан заслуживает повышенного внимания, прежде всего, из-за расположения в зоне исторического разлома между мусульманами и индо-буддийским религиозно-цивилизационными макроареалами, а также как государство с внушительными вооруженными силами. По численности действующих войск он находится на 7-м месте в мире, уступая чуть больше чем вдвое своему традиционному противнику – Индии (у нее 3-е место после КНР и США). Армия в Пакистане – своего рода государство в государстве. В социальном отношении вооруженные силы – самый демократический из государственных институтов. Благодаря умелой пропаганде армия в глазах пакистанцев – гарант независимости, которой угрожает Индия. По степени развития военного комплекса Пакистан – региональный центр мощи, одно из ведущих государств мира в военном отношении, обладающее ядерным потенциалом. На этом фоне дефекты его политической системы вызывают законное беспокойство. К ним, прежде всего, относится упомянутая выше гипертрофированная роль армии, засилье отставных и действующих военных в государственном аппарате.

К западу от Синда в обширной провинции Белуджистан коренное население традиционно занято отгонно-пастбищным скотоводством и очаговым земледелием. Белуджи – самый беспокойный элемент пакистанского общества. В их среде силен дух сепаратизма, склонность к мятежам против центральной власти. В ответ пакистанское государство не раз применяло грубую силу. Но не только здесь ощущается кризис власти на местах. Эпицентром исходящих снизу порядков служит зона пуштунских племен.

В целом Исламская Республика Пакистан – одновременно и крупный региональный центр силы, и потенциальный источник нестабильности в западно-азиатском субрегионе (иногда страну называют также восточным флангом Большого Ближнего Востока). Разгул террора, не стихающий на пакистанском северо-западе и в Карачи, создает нервную обстановку, делает труднопредсказуемым даже ближайшее будущее страны.

В среднесрочной перспективе возможен как благоприятный вариант укрепления и оздоровления пакистанского государства и общества, так и ряд неблагоприятных, среди последних: раскол страны и превращение в исламскую силу, настроенную экспансионистски в отношении Афганистана и Центральной Азии. Встав на путь экспансии через талибо-джихадистские каналы, Пакистан неминуемо превратится в катализатор суннитско-шиитского противостояния в центре мирового ислама. Не

исключено и ужесточение позиций в споре с Индией по поводу Кашмира. Оно способно привести к войне в Южной Азии, таящей угрозу применения ядерного оружия.

Афганская стратегия Индии и Китая. Афганистан стал также полем усиления активности главного врага Пакистана – Индии. Дели проводит политику интенсификации (в основном экономической и относящейся к сфере *soft power*) в Афганистане, усматривая в ней действенный инструмент геополитического ослабления Пакистана. И у индийцев, и у пакистанцев есть собственные проекты афганского будущего. В геополитических планах они ему отводят чрезвычайно важное место.

Свое назначение здесь приобрел также китайский контекст, то есть создание Индией противовеса стремительно растущей китайской заинтересованности Афганистаном. Китай, близкий союзник Пакистана и региональный соперник Индии, также считает Афганистан подходящим местом для проекции своей силы и реализации стратегических интересов. Китайская активность в Афганистане (в первую очередь, инфраструктурная и экономическая) нацелена на расширение влияния в этой стране и недопущение тех же намерений от других региональных игроков, прежде всего, соперников Пекина.

Китайско-афганские отношения прошли многолетний путь цивилизационного взаимодействия. Развитие контактов обеих стран в современном мире связано с выводом иностранных войск из Афганистана в 2014 г. Две страны-соседи поддерживают дружественные связи. Между ними не было исторических конфликтов и не существует противоречий. По китайским заявлениям, политика КНР в отношении Афганистана четкая и неизменная: искреннее содействие достижению в Афганистане мира, стабильности, независимости и развития, уважение пути развития Афганистана в соответствии с местными реалиями, оказание помощи этой стране в улучшении благосостояния ее народа и налаживание добрососедских отношений Кабула с другими странами.

Афганистан в силу своего географического размещения является коридором, через который Китай может защищать свои интересы в Пакистане и обеспечить доступ к жизненно важным природным ресурсам региона. Также Пекин учитывает, что провинция Синьцзян с большинством мусульманского населения, граничащей с Афганистаном, может угрожать опасность захвата власти талибами и перспектива разделения страны.

Расчеты Москвы. Сходные намерения питает Россия, которая, помимо Пакистана, выработала относительно действенные инструменты влияния на сложные взаимоотношения в афганской внутренней политике. Россияне инициировали реактивацию Северного альянса – известного военно-политического союза этнических групп, населяющих северные районы Афганистана, который до 2001 г. оказывал успешный отпор наступающим с юга пуштунским талибам.

После завершения миссии Международных сил содействия безопасности, отвода большей части международных сил и снижения интереса к Афганистану со стороны Запада, возрожденный Северный альянс-2 призван, по задумке Кремля, повторить прежний успех и защитить не только северный Афганистан, но и близкую российским интересам Центральную Азию.

Несоседский взгляд Ирана на Афганистан. Попытки влиять на будущее Афганистана исходят и от Ирана. В отличие от других региональных акторов, Тегеран в афганской политике руководствуется как прагматическими соображениями (реализацией интересов в контексте туманного будущего этой страны), так и чисто идеологическими:

соперничеством в исламском мире между суннитами и шиитами. Перед своим крахом в 2001 г. Исламский Эмират Афганистан, организационное воплощение крайне радикальной суннитской интерпретации ислама, занимал враждебную позицию по отношению к шиитской Исламской Республике Иран. Тегеран старается минимизировать вероятность очередного появления за своей восточной границей радикального суннитского государственного образования. В этом стратегическом аспекте цели Ирана в Афганистане в принципе совпадают с направлением политики США и Запада.

Таким образом, с учетом почти глобальной геополитической вовлеченности в афганский конфликт, на современном этапе чрезвычайно сложно приблизиться к целостному осмыслению афганской проблемы и найти подходы к ее решению в интересах стран западно-азиатского субрегиона, стран Центральной Азии и их союзников.

Вопрос 9.4. Иран в современном мире

Еще одним геополитическим фактором, дестабилизирующим региональную ситуацию и осложняющим международную обстановку, стала иранская проблема. Данная проблема сводится к иранской ядерной программе, ставящей под угрозу регион Ближнего и Среднего Востока, обостряет и без того напряженные отношения с США. Да и в целом отношения Ирана с внешним миром имеют непростую историю.

На протяжении многих веков эта страна играла ключевую роль на Востоке, и современный Иран обладает четвертой по размеру ВВП (по ППС) экономикой в исламском мире и второй по размеру в Западной Азии (после Турции); одно из наиболее технологически развитых государств западно-азиатского субрегиона. Размещен в стратегически важном регионе Евразии и располагает крупными запасами нефти и природного газа. Его географическое окружение лишь подчеркивает геополитическую важность страны. На западе граничит с Ираком, на северо-западе – с Азербайджаном, Арменией, Турцией и непризнанной Нагорно-Карабахской Республикой, на севере – с Туркменистаном, на востоке – с Афганистаном и Пакистаном. С севера омывается Каспийским морем, с юга – Персидским и Оманским заливами Индийского океана.

До Исламской революции 1979 г. Иран был в целом прозападно-ориентированным государством. Свершившаяся на волне антиамериканизма, революция радикально изменила его внешнюю политику; ее первой «ласточкой» стал международный скандал с захватом заложников в американском посольстве в Тегеране. Этот кризис повлек за собой ухудшение отношений со всеми западными странами, а также послужил поводом к разрыву дипломатических отношений с США, которые не восстановлены до сих пор.

С момента Исламской революции Иран не переставал влиять на региональную ситуацию и мироустройство. Революция совпала по времени с вводом советских войск в Афганистан, что крайне негативно сказалось на отношениях с СССР, с которым Иран все же поддерживал прохладные дипломатические отношения. Известно, что в 1988 г. аятолла Хомейни послал М. Горбачёву телеграмму с предложением строить исламскую республику в СССР.

Революция испортила отношения Ирана не только с крупными державами, но и с арабским миром. В 1980 г. Ирак вторгся в богатый нефтью Хузестан, положив начало ирано-иракской войне. Выбив иракские войска, иранское руководство планировало

контрнаступлением «экспортировать» исламскую революцию в Ирак. Однако из-за истощения войск и применения иракской армией химического оружия эти планы не увенчались успехом. Тем временем ирано-американские отношения осложнились ещё больше после того, как американский ракетный крейсер, находившийся в Персидском заливе, сбил иранский пассажирский самолёт.

По окончании ирано-иракской войны и со смертью аятоллы Хомейни отношения Ирана с Европой стали постепенно налаживаться, чему во многом способствовала прагматичная политика президента Рафсанджани. Были выстроены новые отношения с независимыми постсоветскими государствами. В частности, Иран осудил чеченский сепаратизм, оказав тем самым негласную поддержку России. Иран принял участие в восстановлении экономики Чечни. Во многом благодаря дипломатическим усилиям Тегерана Россия смогла частично восстановить утраченное влияние на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Москва согласилась продолжать начатое ещё при шахе Пехлеви строительство атомной электростанции в Бушере.

Но отношения Ирана с Соединёнными Штатами оставались напряжёнными. Этому во многом способствовала победа на президентских выборах в Иране в 2005 г. ультраконсерватора Махмуда Ахмадинежада. Его резкие заявления в отношении Израиля испортили отношения и с этим государством. США и Израиль обвиняют Иран в спонсировании террористических организаций (в США, Израиле и ЕС Хезболла, в частности, считается террористической организацией). Но главная их проблема, как и большинства стран мира – недопущение разработки иранского ядерного оружия. США не исключают нанесения ракетного удара по ядерным объектам Ирана.

Подобно многим исламским государствам, Иран не признаёт Израиль. В заявлениях иранского МИДа Израиль именуется «Сионистским режимом». Повсеместно сложные соседские отношения Ирана включают территориальные споры с Объединёнными Арабскими Эмиратами в отношении трёх островов в Ормузском проливе, контролирующих вход в Персидский залив. В конце 1940-х гг. островами попеременно владели шейхи эмиратов Абу-Даби и Дубая, находившихся под британским протекторатом. В 1971 г., после ухода Великобритании из региона, острова должны были достаться ОАЭ, в состав которых вошли оба этих эмирата, но их захватил шахский Иран. На островах содержится его значительный военный контингент. Также существуют претензии Тегерана на части территории Азербайджана, Афганистана и Пакистана.

Иран – член ООН (с 1945 г.), ОИК, ОПЕК, SAARC, а также является наблюдателем при ШОС. В 2012–2015 гг. являлся лидером Движения неприсоединения, став страной-председателем этого движения, являющегося второй по величине после ООН международной структурой.

В международно-политическом раскладе сил Иран остается заметной фигурой. Эта мусульманская страна, начавшая развитие с нуля после Исламской революции, достигла высокого экономического уровня практически без финансовых вливаний из-за рубежа и вопреки непрекращающимся санкциям со стороны США и европейских стран. Иранская нефть, в которой заинтересован Запад, и которую страна беспрепятственно продает нуждающимся странам Востока, выступает тем природно-экономическим фактором, который сводит к минимуму политику давления западных государств на Иран.

С начала XXI в. Иран становится серьезным игроком на мировой политической сцене. Одновременно перспективы его ядерной программы вызывают беспокойство большинства стран мира. США и страны Евросоюза, оказывая политическое давление, вводили экономические санкции против Ирана с целью заставить его руководство отказаться от разработки ядерного оружия. *Справочно*: споры вокруг иранской ядерной программы стали центральной темой заседаний и саммитов многих международных организаций. Решение по проблеме было принято в 2015 г. Иран и страны «шестерки»: США, Франция, Великобритания, Германия, КНР, Россия достигли соглашения в обмен на отмену санкций против Ирана; руководство страны согласилось допустить инспекторов МАГАТЭ на свои ядерные объекты. В 2019 г. Вашингтон вышел из т. н. ядерной сделки с Тегераном, возвратившись к политике санкций. Стремление Ирана занять в своем арсенале ядерное оружие может повлечь за собой вооруженную реакцию со стороны США, на стороне которых будет ЕС, а за спиной – Израиль. Именно угроза безопасности существованию Израиля в регионе Ближнего Востока в известной степени диктует политику Вашингтона в отношении ИРИ.

По мнению Запада, иранская ядерная программа – весьма серьезный фактор риска не только в региональной, но и в мировой политике, так как с помощью ядерного оружия Иран получил бы возможность нанести удар по Израилю – стратегическому партнеру США. Существует и противоположное мнение партнеров Ирана: наличие иранского ядерного оружия позволит создать баланс сил не только в регионе, но и на всей международной арене. Тем самым иранское правительство сможет обеспечить надлежащий уровень национальной безопасности в стране. Существенно, что данную позицию отвергают соседи Ирана: монархические режимы государств Персидского залива ориентируются на США и недружественно настроены к Ирану; таким образом они стремятся обеспечить собственную безопасность против очевидных попыток Ирана установить свое влияние над государствами региона.

Руководство Ирана не скрывает амбиций на достижение статуса региональной сверхдержавы. Ради доминирования в своем субрегионе оно предпринимает следующие политические и военно-стратегические шаги: а) поддерживает в соседних странах борьбу радикальной шиитской организации «Хизболла»; б) стремится разработать собственное ядерное оружие. При шахе американцы всячески поощряли гегемонистскую цель Тегерана. Но когда он занял антиамериканскую позицию, настроения Вашингтона кардинально изменились.

Итак, иранские региональные амбиции, и прежде всего, ядерный фактор имеет большое значение для современных международных отношений и геополитической ситуации в западно-азиатском субрегионе (на Ближнем и Среднем Востоке). В международных отношениях существует мнение о «стабилизирующей роли» ядерного оружия. Можно предположить – в случае Ирана ядерный статус потенциально становится фактором сдерживания, а именно: недопущения усиления в регионе влияния США и Израиля. Но совсем не просто доказать на деле, что ядерное оружие Ирана позволит предотвратить региональный конфликт, послужит фактором сдерживания и не спровоцирует при этом неоправданных рисков. Ведь Иран объявил о необходимости стереть с лица земли израильский режим ради спокойствия на Ближнем Востоке.

Конкретные шаги, согласованные в 2015 г. Ираном и мировыми державами, не позволяют считать окончательным разрешение иранской ядерной проблемы.

Вопрос 9.5. Геополитика Ближнего Востока

В традиционном понимании Ближний Восток – это регион, включающий 16 стран Аравийского полуострова и Восточного средиземноморья: Египет, Турция, Сирия, Иордания, Израиль, Палестинская национальная администрация, Ливан, Иран, Ирак, Саудовская Аравия, Оман, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Йемен, Кувейт, Бахрейн. Иная версия географических рамок региона добавляет в него еще Азербайджан, Армению, Грузию и Кипр. А в конце XX в. ситуация коренным образом изменилась – вследствие расширения Ближнего Востока за прежние исторические рамки. Современный Большой Ближний Восток (ББВ) включает не только территории, прилегающие к Восточному средиземноморью и Аравийскому полуострову, но и периферийные территории, прилегающие к Черному и Каспийскому морям, т. е. Малую Азию, Южный Кавказ, а также Центральную Азию, на которые стремятся распространить свое влияние Турция, Саудовская Аравия и Иран.

Ближний Восток является одним из самых нестабильных регионов мира, и на современном этапе остается цитаделью терроризма и экстремизма. Их последствия – не только террор и нестабильность, но и попытки трансформировать как сам Ближний Восток, так и соседние регионы. Только отдельные государства, его составляющие, выступают самостоятельными субъектами международных отношений (Египет, Саудовская Аравия, Иран, Турция, ОАЭ), а большинство других, как и весь регион – геополитический объект, который противоборствующие державы стремятся «спроектировать» под себя.

Но самостоятельные акторы – закоренелые конфликтующие между собой геополитические центры. По определению З. Бжезинского, «геополитические центры – это государства, чье значение вытекает не из их силы и мотивации, а скорее из их важного местоположения и последствий их потенциальной уязвимости для действий со стороны геостратегических действующих лиц». На Ближнем Востоке они создают целый геополитический узел неразрешенных и даже неразрешимых противоречий.

К тому же Ближний Восток – один из самых милитаризованных регионов мира. По ключевым показателям милитаризации и военным расходам в абсолютном исчислении его страны оказываются лидерами среди развивающихся стран, а по отдельным показателям опережают и развитые страны. Такое положение объясняется сочетанием двух факторов:

- высокая конфликтогенность;
- наличие крупных ресурсов углеводородного сырья, которые привлекают интересы мировых держав.

Высокий потенциал конфликтогенности региона складывается по линиям арабо-израильского противостояния, территориальных споров между Ираном и Саудовской Аравией, Ираном и Турцией, нерешенности курдского вопроса, а также присутствия военных баз США.

Формирование геополитической карты региона на протяжении всего XX и начала XXI вв. включило в себя и появление новых независимых государств, и изменения их форм правления. К примеру, монархия заменялась республикой в результате революции или госпереворота в Египте (1953), Ираке (1958), Иране (1979). Для арабских республик,

за исключением Ливана, характерно наличие устойчивых авторитарных однопартийных режимов, возглавляемых влиятельными и харизматическими лидерами. Они обычно сочетают в себе функции государственного и партийного руководителя: Саддам Хусейн в Ираке (1979–2003), Хосни Мубарак в Египте (1981–2011). Самым показательным примером подобной «монархической республики» является Сирия, где в 2000 г. Башар Асад сменил на президентском посту отца Хафеза Асада, четырежды переизбиравшегося на протяжении 1971–2000 гг. Специфика монархий заключается в том, что особая роль принадлежит не столько монарху, сколько правящему семейству или клану.

В период холодной войны и противостояния между системами СССР и США, арабские «революционные демократии» на Ближнем Востоке и в Северной Африке ориентировались на СССР, в то время как монархические государства, Израиль и Турция поддерживали США. В 1990-х гг. раскол на прозападные и антизападные государства утрачивал значимость. Но по сей день в регионе остаются два антизападных режима – Сирия и Иран. Не исключается появление новых антизападных режимов из-за возможности исламизации светских государств (пример Египта – в результате прихода к власти «Братьев-мусульман» в лице президента А. Мурси – после смещения Х. Мубарака).

Ближний Восток – это колыбель трех крупных мировых религий: ислама, христианства и иудаизма. Однако в настоящее время специфика состоит в его конфессиональной однородности: ислам исповедуют подавляющее большинство населения всех государств региона, за исключением Израиля.

Экономическая специфика региона определяется уникальной нефтеносностью: примерно 56 % мировой добычи нефти. Ведущие производители – Саудовская Аравия (располагает около 20 % разведанных мировых запасов), Иран, Кувейт. Для государств-нефтеэкспортеров (аравийские монархии), характерен низкий уровень диверсификации экономики, высокий ВВП и доход на душу населения (Катар занимает по этому показателю 1-е место в мире). В свою очередь, нефть является не только благом, но и конфликтогенным фактором в регионе.

Ближний Восток – перекресток путей между Европой, Азией и Африкой, и в этом его геополитическая уникальность. Основными геополитическими направлениями региона выступают глобальный маршрут Европа–Азия (то, что раньше называлось «Великий шёлковый путь») и маршрут поставки энергоносителей Европа–Персидский залив. Эффективное использование данного коммуникационного перекрестка потенциально сулит региону огромные материально-финансовые выгоды. Геополитическим парадоксом является то, что оба маршрута сейчас бездействуют из-за неразрешенных политических амбиций руководства ряда государств региона.

Маршрут Европа–Азия практически намертво перекрыт Турцией; хотя ее основное геополитическое значение определяется статусом транзитной страны. Из-за политических разногласий и холодных отношений Анкары с Тегераном полноценного транзита между Европой и Китаем нет. Для КНР всё большее значение приобретает северный маршрут Великого шёлкового пути – через Россию. Турция из-за политических амбиций руководства на ровном месте теряет собственный геополитический вес.

Важнейший для Европы прямой маршрут поставки энергоносителей Персидский залив–Европа также перекрыт. Определяющим фактором в возникновении такой ситуации явилась политика Израиля и Сирии.

США, страны Европы и руководство ЕС оказывают политическое и экономическое давление на Государство Израиль, чтобы достичь мирного урегулирования в регионе и разблокировать трансконтинентальный маршрут. Но пока не решен палестинский вопрос, не создано независимое Палестинское государство и отсутствует соглашение о всеобщем мирном урегулировании на Ближнем Востоке, трансрегиональные маршруты будут мертвы. Решение данных проблем – условие создания в регионе путей сообщения и разблокирования проходящих трансрегиональных маршрутов. Потому придается столь большое значение ближневосточному урегулированию в мировой политике.

Само Государство Израиль, сохраняя нынешнюю политику властей (отказ от создания независимого палестинского государства и поглощение оккупированных палестинских территорий) гипотетически может оказаться в одиночестве – без прямой поддержки ведущих мировых держав. Кроме того, единое государство для населяющих его двух народов будет угрожать его внутренней стабильности. В итоге ситуация со всей вероятностью приведет к развитию событий по сценарию, произошедшему в ЮАР.

Из Персидского залива в Европу остается один путь – через Сирию. С ней страны Залива не смогли договориться. В 2009 г. они получили отказ сирийского президента Б. Асада от создания нефте- и газопровода через территорию его страны. После отказа иностранные государства совершили там попытку «цветной революции». Но уяснив несклонность сирийского народа выступить против собственного руководства, США и их арабские союзники начали игру на уничтожение сирийского режима. Определенное время они не препятствовали эскалации влияния исламистов. Возникшая благодаря контролю над энергоресурсами и торговле ими террористическая организация «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) поставила цель создания крупного теократического государства, которое объединит Сирию, часть Ирака, Ливана и периферийные территории Палестинской автономии и Иордании.

С момента вторжения в Ирак войск международной коалиции (март-май 2003 г., основные участники – США и Великобритания) без мандата Совета безопасности ООН эта страна излучает нестабильность. Режим Саддама Хусейна был ликвидирован, он сам казнен 30 декабря 2006 г., а оружия массового поражения, ради уничтожения которого предпринималось вторжение, не обнаружено. Зато в Ираке вплоть до 2011 г. полыхала партизанская война, а в результате экспансии ИГИЛ началась гражданская война. К июню 2016 г. правительственные войска освободили большую часть территории государства, а 9 декабря 2016 г. Ирак объявил об окончании войны с ИГИЛ.

В Ираке безуспешны неоднократные попытки США сформировать правительство своих сторонников. В этом контексте Вашингтон попал в заложники своим принципам. Дело в том, что на проводимых в последние годы свободных выборах (заслуга США) побеждают не союзники США, а представители шиитского большинства – сторонники создания «Исламского государства». Курды Ирака в парламенте страны представлены, но поставлены перед необходимостью провозглашения независимого Курдистана. Ведь их политический вес держится на присутствии американцев, и вывод войск США из Ирака открывает правящему шиитскому большинству возможность расправы не только с суннитским меньшинством, но и своими парламентскими оппонентами – курдами.

В результате Ближний Восток неспособен извлекать материальную выгоду из своего геополитического положения из-за амбиций руководителей Турции, Сирии и

Израиля. Из-за двух факторов, создавших тупиковую ситуацию, заблокирована сверхважная геоэкономическая функция региона – транзит энергоносителей в Европу. (Первый фактор – согласие Израиля на решение палестинского вопроса; второй – возможность транзита нефти и газа из стран Персидского залива в Европу через территорию Сирии). Существенно, что именно заблокированная геоэкономическая платформа используется для манипулирования региональной и даже мировой политикой.

Особую экономическую и военно-стратегическую значимость для глобального Севера имеет Суэцкий канал, соединяя Средиземное и Красное моря. Это кратчайший водный путь между Индийским океаном и акваторией Средиземного моря Атлантического океана. По альтернативному маршруту (он длиннее на 8 тыс. км) водный транспорт должен огибать Африку. До открытия канала транспортировка осуществлялась путем разгрузки судов и сухопутной перевозки между названными морями.

В качестве вывода подчеркнем, что геополитика Ближнего Востока – это ряд факторов исторического, политического, религиозного, социального, этнического, географического и экономического характера, устойчиво осложняющих нынешние международные отношения и внутривосточную ситуацию в отдельных странах и регионе в целом. Среди них:

- остатки колониальных традиций, межгосударственные территориальные споры и претензии;
- борьба за региональное лидерство. На этот статус претендуют как теократические (Саудовская Аравия, Иран), так и светские (Сирия, Египет, Турция) государства;
- столкновение геополитических интересов крупных держав, их манипулирование региональными процессами. Здесь после окончания холодной войны США стали доминировать, что привело к дисбалансу, дестабилизации, усилению международного терроризма, смещению ряда режимов;
- конфессиональная пестрота при доминировании ислама суннитского толка; противостояние суннитов и шиитов в ряде стран региона;
- проблема обеспечения водными ресурсами и распределения вод трансграничных рек, создающая дополнительную сложность и напряженность в отношениях Сирии и Израиля (р. Иордан), Сирии и Турции (р. Тигр и Евфрат);
- демографическая ситуация; высокая доля детей (20-40 %), молодежи, невостребованность значительного числа молодых людей – идеальный материал для вербовки в экстремистские и террористические структуры;
- влияние террористических группировок на состояние безопасности и стабильности отдельных стран и региона в целом. В нем действуют структуры, бросающие вызов целым государственным режимам в Ираке, Сирии, Йемене, Ливии: «Аль-Каида» и ее разновидности, «Исламское государство», «Джабхат-ан-Нусра», «Братья-мусульмане» (действуют более чем в 50 странах мира), «Народный фронт освобождения Палестины», «Исламский джихад», «Хамас», «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами».

Итак, к началу XXI в. в мире отчетливо обозначилась системная угроза глобального терроризма, преимущественно проявившегося в облики радикального исламизма. Его центром возникновения и питательной средой стал Ближний Восток – источник и жертва конфликтогенности национального, регионального и мирового масштаба. Этот регион стал новым феноменом деструктивной геополитической

активности современного миропорядка. С внешнеполитической точки зрения можно утверждать, что уже рухнули планы США по изменению расстановки сил на Ближнем Востоке «под себя» и созданию плацдарма давления на ближневосточные страны.

Вопрос 9.6. Воздействие исламизма на геополитику мусульманских стран

В нынешнем геополитическом устройстве мира сложился и культивируется феномен исламской альтернативы. Ее сущность многолика и сложна. Источником исламской альтернативы выступает *исламизм* – религиозно-политическая идеология и практическая деятельность, направленные на создание условий, при которых любые противоречия внутри общества и государства, где есть мусульманское население, а также межгосударственные отношения с их участием решаются на основе норм шариата. По мнению авторитетных исследователей, исламизм оказался извращением ислама в общественной, институциональной, экономической, социальной и культурной жизни мусульманских обществ XX в. Он вошел в практику через возрождение понятия исламского джихада (священной войны) в самых сильных формах. Вероятно, исламизм – это реакция клерикальных кругов на научное и материальное отставание исламского мира в XX в., на модернизационные процессы современного мира.

Неотъемлемыми свойствами исламизма называются:

- ✓ *фундаментализм* – как возвращение к основам ислама;
- ✓ *салафизм* – возрождение активной веры и обрядов;
- ✓ *интегрализм* – объединение сфер общества и государства под законами шариата;
- ✓ *теократизм* – восстановление Аллаха как верховной власти;
- ✓ *теономизм* – буквально «главенство законов Господа», прямое, буквальное и всестороннее применение норм шариата;
- ✓ *терроризм* – как способ наносить врагу максимальный урон без учёта любых долговременных последствий.

В контексте геополитического восприятия мира следует понимать, что исламисты-фундаменталисты стремятся создать мир, альтернативный всем иным формам государственного устройства. Им присуща крайняя антизападная направленность. В зонах расселения мусульман в разных странах мира исламизм распространяется через формирование альтернативной идентичности, то есть мусульмане начинают считать себя не гражданами того или иного государства, а членами уммы (всемирного сообщества мусульман), которая на деле подменяется конкретной исламистской организацией.

Идеология исламистов предполагает допустимость и даже обязательность джихада против всех неверных – как немусульман, так и, что крайне важно, тех мусульман, которые не являются и не желают быть исламистами. Такие мусульмане объявляются вероотступниками путем такфира – признания их неверными. Используя специфически толкуемые положения шариата, исламисты допускают и рекомендуют совершение террористических актов, в том числе «слепых» (направленных против случайного набора людей в местах их концентрации), использование террористов-смертников.

Исламская альтернатива конкретизируется в многоуровневом «исламистском проекте». На первом, локальном уровне, рассматривается возможность исламизации

отдельного населенного пункта (особенно характерна для Индонезии), на втором, национальном, – перспектива исламизации отдельных государств (присуща всем мусульманским государствам, а также странам с компактными мусульманскими меньшинствами). Третий, региональный уровень не слишком заметен в мировой политике, его намеревался воплотить в жизнь афганский «Талибан». Четвертый уровень глобален и предусматривает образование всемирного мусульманского государства. Результатом действий исламистов на четвертом уровне стало идейное братство, конфедерация, с другой стороны – трансграничное пространство единомышленников.

Примечательно, что уже первый, локальный, исламистский проект имеет возможность выхода не только на следующий, но и на глобальный уровень. Благодаря этому местные, национальные, региональные исламисты и исламские глобалисты в состоянии взаимодействовать в режиме кооперации. Мировой джихад способен держать в поле зрения все иные уровни исламизма, и исламские глобалисты предоставляют им как идейную поддержку, так и практическую материальную помощь.

Роль неформальных центров поддержки исламского движения принадлежит Международному исламскому университету в Исламабаде, каирскому университету «Аль-Азхар», бруклинскому Центру беженцев «Аль-Кифах», а также его филиалам в Пакистане и Хорватии. Заметим: в их деятельности далеко не просто уловить радикальные течения.

Иной структурной особенностью исламской геополитики является специфическое соотношение эндемического и периферического полей геополитического пространства. Эндемическое (местное) поле владеет отчетливо выраженным ядром – Саудовской Аравией, ставшей центром исламской панидеи еще в VIII в. Позже арабский язык вытеснил вульгарно-эллинское наречие из долины Инда, овладел побережьем Индийского океана, создав огромное периферическое поле ислама, и оставался хозяином Востока до 1757 г. (до начала завоевания Индии Великобританией).

С Саудовской Аравией за статус исламского ядра конкурируют шиитский Иран; Турция как оплот халифата до 1924 г.; Египет с ведущим центром суннитского богословия – университетом «Аль-Азхар»; Пакистан с ракетно-ядерным потенциалом. Иордания и Марокко под правлением потомков Пророка также проявляют династические претензии на доминирование в мусульманском мире.

Но не они наиболее активны и открыты в продвижении исламизма и расширении его геополитического пространства, а исламистские группы, не связанные с конкретной страной. Этот фактор препятствует пространственному определению границ эндемического поля ислама и приводит к его экстраполяции на все государства – покровители ислама. Исламисты стремятся использовать для закрепления собственного влияния арабский язык, который считается священным для мусульман и исполняет роль основного средства общения в мусульманском мире.

В геополитическом пространстве ислама присутствует огромное периферийное поле – приграничное пространство, находящееся под контролем мусульманского этноконфессионального сообщества. Но его демографический, экономический и коммуникационный потенциал недостаточен для слияния с эндемическим полем. Существует также перекрестное поле, на обладание которым претендуют иные геополитические субъекты.

Особенностью исламского пространства является отсутствие единого политико-административного центра, обусловленное разрозненностью мусульманского мира вследствие его неоднородности. Данная особенность среди других способствует возрождению ислама в исламизм.

Классическому мусульманскому пониманию международных отношений придана агрессивная коннотация. Как известно, оно экстерриториально (не связано с пространством государств) и разделяет мир на две основные составляющие: правочерных (dar al-Islam), или веры (dar ud-din), и неверных или войны (dar al-harb), а также область мира (dar al-sulh). Мир правочерных ислама включает государства под управлением мусульман, управляющихся шариатом. Мир неверных населен мусульманами и немусульманами, но управляется неверными. С этими странами можно заключать перемирие до 10 лет, которое можно продолжить путем возобновления договора. Область мира охватывает немусульманские страны с немусульманским руководством, находящиеся в зависимости от мусульманского мира.

Информационные системы выступают удачным средством конвергенции глобальных и локальных общностей мусульманского мира. С их помощью глобальные веяния легко достигают локального уровня, а локальные лидеры непосредственно достигают глобальных трибун и глобальной аудитории. По мнению Ролана Робертсона, наблюдается проявление *глокализации*, трактуемой как «взаимопроникновение глобального и локального». Это явление целиком присуще исламским информационным геополитическим реалиям, особенно медиа-, а также Интернет-пространству.

В эпоху информационного общества создание коллективной идентичности с помощью медиа активно помогает консолидации мусульманских, в т. ч. исламистских группировок. Электронные медиа однозначно благоприятствуют их общественной мобилизации, что наглядно подтверждает практика террористических организаций. Кибер-пространство – не менее выгодный плацдарм для ведения боевых действий, нежели его предшественник – территориальный плацдарм. При этом кибер-пространство имеет несомненное преимущество – размывание традиционных границ и амальгацию (слияние) социальных идентичностей.

На современном этапе в мусульманском мире основные категории информационных ресурсов с геополитической точки зрения классифицируются следующим образом:

- официальные информационные органы мусульманских стран;
- информационные органы мусульманских организаций – радиостанции, периодические издания (The Muslim Word, The Journal of Rabetat al-Alamal-Islami, The Minaret);
- мусульманские негосударственные информационные органы – периодические издания Al-Ittihad, Jaqeen International, панарабские Al-sharg al-Awsat, Al-Hayat, телеканал «АльДжазира»;
- информационные ресурсы научных учреждений – университета «Аль-Азхар» с Академией исламских исследований (Каир), университета имени короля Абдул Азиза с Институтом по делам мусульманских меньшинств (Джидда), шиитского университета (Неджеф).

Международные исламские организации в духе времени декларируют объективность, диалог, искоренение расизма и уважение ко всем религиозным

воззрениям. Главными задачами исламской информации провозглашаются: создание позитивного имиджа ислама на международной арене, пропаганда арабской культуры и борьба против экстремистских движений. Методы воплощения этой стратегии разрабатываются на национальном, двустороннем и многостороннем уровнях. Но практически в деятельности многих названных информационных ресурсов нередко переплетается пропаганда исламских ценностей и исламизма.

В киберпространстве арабский мир часто рассматривается отдельно от мусульманского мира. Это касается и таких терминов, как «Ближний Восток», Южная Азия», «Северная Африка». Отдельные мусульманские государства заявляют о своей обособленности в информационном пространстве, и это осложняет их геополитическую идентификацию. Большинство политических партий в мусульманском мире используют киберпространство для пропаганды своих политических взглядов. Наиболее активными исламскими партиями являются ливанские, алжирские, иранские, ливийские, пакистанские, палестинские и турецкие.

Тем не менее Саудовская Аравия имеет значительное преимущество как носитель арабского языка, ибо он считается священным и исполняет роль основного средства общения. Кроме того, арабский язык, в отличие от турецкого или иранского, служит родным языком значительных христианских меньшинств. Примечательно, что инвестирование в арабские спутниковые системы стало ключевым для доминирования в мусульманском мире. Саудовские пропагандисты, вооружившись еще в 1980-х гг. электронными транснациональными изданиями и спутниковыми сетями, стали первыми создателями планетарного медиа-лобби. Двумя популярнейшими электронными газетами считают базированные в Лондоне Al-Nayat и Ash-Shark al-Avsat (последняя доступна для 100 млн виртуальных читателей). В условиях глобализации огромное влияние оказывают происламские холдинги, действующие не только в торговле и промышленности, но и в информационно-пропагандистском бизнесе. Примером может служить созданное в Турции сообщество Фетхуллага Гюлена.

Иранское духовенство в 1991 г. помогло группировке «Хезболла» запустить спутниковый арабоязычный канал Al-Manar, второй по влиятельности после катарского Аль-Джазира (1996 г.). Именно Аль-Джазира совместно с Интернетом растиражировали образ Усами бин Ладена от Джакарты до Занзибара, без которого мусульманский мир не смог бы организовать джихад против Запада.

Таким образом, происходит исламизация населения ряда регионов мира на четырех геополитических уровнях. При этом современная информационная система является своеобразным зеркалом, в котором отражаются геополитические противоречия самого мусульманского мира, а также пропагандируется его радикальный сегмент. Кроме унифицированных составных исламского информационного контента, на который делают упор межгосударственные организации мусульманских стран, все более значительно проявляются центробежные геополитические тенденции – информационный регионализм, экстремизм, размежевание «центр–периферия». Борьба за гегемонию в мусульманском мире переходит в виртуальное измерение. Лидерами становятся игроки, способные захватить информационное пространство благодаря быстрому и эффективному использованию информационных технологий.

Тема 10. Геополитика стран Африки и Латинской Америки

Вопрос 10.1. Геополитические особенности локализации стран Африки

На территории Африки – второго по размерам континента (29,2 млн км²) располагается 55 государств с населением в 1,2 млрд чел. – крайне неоднородных по своему развитию. Традиционно выделяют 5 крупных субрегионов: Северная Африка, Западная Африка, Восточная, Центральная (Экваториальная) и Южная Африка. К Северной Африке относятся 8 государств; к Центральной (Тропической) – 33 государства; к Южной – 14 государств. В частности, к государствам Северной Африки, относят Египет, Судан, Ливия, Тунис, Алжир, Марокко, Мавританию, Западную Сахару. Почти все страны континента являются республиками (за исключением Лесото, Марокко и Сазерленда, которые остаются еще конституционными монархиями). Административно-территориальное устройство государств, за исключением Нигерии и ЮАР – унитарное.

Все страны, за исключением ЮАР, развивающиеся, большинство из них беднейшие в мире (70 % населения живёт за чертой бедности). В Африке самые высокие темпы естественного прироста населения. Во многих странах прирост превышает 30 человек на 1 тыс. жителей в год. Сохраняется высокая доля детских возрастов (50 %) и небольшая доля людей старшего поколения (около 5 %).

Африканский континент омывается а) на западе Атлантическим океаном; б) на севере – Средиземным морем; в) на востоке и северо-востоке – Индийским океаном и Красным морем. Особенностью географического положения многих стран континента является отсутствие выхода к морю. В то же время в странах, выходящих к океану, береговая линия изрезана слабо, что неблагоприятно для строительства крупных портов.

Африка – родина самого древнего человека на Земле. Древние греки считали ее колыбелью человеческой цивилизации. «Африка» по-гречески означает «родина», «мать».

Политическая система в большинстве стран Африки носит авторитарный характер. Установленные в большинстве государств Тропической Африки авторитарные режимы существуют в форме военных и гражданских диктатур. Стремление к автократии объективно обусловлено экономической отсталостью, низким уровнем жизни, разнородностью племенных культур, являющихся причиной межэтнических конфликтов. Способность примирить эти противоречия связывается с авторитарным правлением вождя какого-либо племени, что одновременно порождает недовольство представителей племенной элиты других этносов. В политическом плане Африка – самый молодой регион мира. Подавляющее большинство государств образовано после распада европейских колониальных империй во второй половине XX в. Важная роль в урегулировании всех региональных и внутренних конфликтов, которые в изобилии вспыхивают на континенте, принадлежит Организации Африканского единства и ООН.

Экономика большинства африканских стран основывается на добывающей промышленности и сельском хозяйстве. Наибольшие успехи наблюдаются в горнодобывающей промышленности. По добыче многих полезных ископаемых Африке принадлежит лидирующее, а иногда монопольное место в мире (по добыче золота,

алмазов, платиноидов и др.). Обработывающая промышленность представлена легкой и пищевой, другие отрасли отсутствуют, за исключением ряда районов вблизи добычи сырья и на побережье (Египет, Алжир, Марокко, Нигерия, Замбия, Демократическая Республика Конго (ДРК)).

В Африке довольно большие земельные ресурсы, однако эрозия почвы приняла катастрофический характер из-за неправильной ее обработки. Водные ресурсы по территории Африки распределены крайне неравномерно. Леса занимают около 10 % пространства, но из-за хищнического уничтожения их площадь быстро сокращается.

Страны, которым меньше повезло с ископаемыми, вынуждены ориентироваться на сельское хозяйство. Оно представлено преимущественно тропическим и субтропическим земледелием. Продукция земледелия составляет 60-80 % ВВП. Основными товарными культурами являются кофе, какао-бобы, арахис, финики, чай, натуральный каучук, сорго, пряности. В последнее время стали выращивать зерновые культуры: кукурузу, рис, пшеницу. В большинстве стран Тропической Африки оно является основной отраслью экономики, призвано обеспечить население продуктами питания и служить сырьевой базой развития обрабатывающей промышленности. В нем занята преобладающая часть самодеятельного населения региона, создается основная часть совокупного национального дохода. В Тропической Африке сельское хозяйство занимает ведущее место в экспорте, обеспечивая поступление значительной части валютных доходов. Животноводство играет подчиненную роль, за исключением стран с засушливым климатом. Преобладает экстенсивное скотоводство, характеризующееся огромным поголовьем скота, но малой продуктивностью и низкой товарностью. Континент не обеспечивает себя сельскохозяйственной продукцией.

Транспортная система сохраняет колониальный тип: железные дороги идут от районов добычи сырья к порту, при этом регионы одного государства практически не связаны. Относительно развиты железнодорожный и морской виды транспорта. В последние годы получили развитие и другие виды транспорта – автомобильный (проложена дорога через Сахару), воздушный, трубопроводный.

В современной Африке весьма остро проявляются практически все глобальные проблемы человечества: необратимые негативные изменения среды обитания (вырубка тропических и экваториальных лесов, эрозия почвы, опустынивание), истощение отдельных видов природных ресурсов, социальные, межэтнические и религиозные конфликты на фоне углубляющихся контрастов в уровне благосостояния различных групп населения, широкое распространение смертельных болезней, межэтнические и религиозные конфликты.

Политическая нестабильность и отсутствие жизнеспособной экономики на континенте отразилось на положении народов Африки. Социальные условия, вызванные этими факторами, консервируют дегуманизацию континента. Основной исторической причиной геополитических проблем является колониальное прошлое континента, когда пренебрегая интересами местного населения, европейцы устанавливали границы своих колониальных владений, нарушая и разрушая при этом сложившиеся между африканскими народами социально-культурные и этнические связи, прерывали традиционное экономическое взаимодействие.

Только с 1970 г. в Африке велось свыше 30 войн, многие из них в известной степени являлись межгосударственными. Большинство конфликтов вызывалось из-за территориальных споров. Их нерешенность создает ситуации, которые не только подрывают процесс становления и укрепления международных позиций государств Африки, но и создают благоприятные условия для вмешательства неконтинентальных акторов, негативно воздействуют на международный климат в целом.

Все это объективно обусловлено различием интересов стран континента в политической, экономической и других областях, колониальным прошлым, неоколониальным воздействием или субъективными факторами исторического и психологического порядка с различной степенью воздействия каждого из них.

Вопрос 10.2. Взаимовлияние природных ресурсов и геополитики африканских государств

Одним из инструментов, используемых африканскими геополитическими игроками для достижения целей как в конкурентной и конфликтной среде, так в обстановке сотрудничества, солидарности, выступают природные ресурсы. Ими Африка исключительно богата. На ее территории находятся 70 % полезных ископаемых мирового значения, в том числе: 70 % запасов алмазов; 80 % золота, 30 % руды железа, алюминия, марганца, 10 % разведанных запасов нефти и газа. Особенно велики запасы минерального сырья – руд марганца, хромитов, бокситов и др. Нефть и газ добываются в Северной и Западной Африке (Нигерия, Алжир, Египет, Ливия). К странам, наиболее богатым по запасам природного газа, относятся: Нигерия, Алжир, Египет, Ливия, экваториальная Гвинея, Ангола, Марокко; а среди них крупные поставщики природного газа в Европу: Нигерия, Алжир, Египет, Ливия.

Колоссальные запасы кобальтовых и медных руд сосредоточены в Замбии и ДРК; марганцевые руды добываются в ЮАР и Зимбабве; платина, железные руды и золото – в ЮАР; алмазы – в обеих Конго (ДРК и РК), Ботсване, ЮАР, Намибии, Анголе, Гане; фосфориты – в Марокко, Тунисе; уран – в Нигере, Намибии. По запасам разнообразных природных ресурсов континент в некоторых случаях опережает другие регионы мира. Высокая доступность богатств является проблемой для оценки их геополитической эффективности, хотя бы потому, что она не привела к появлению на континенте великой державы, исходя из экономических показателей.

Наличие богатств в виде природных ресурсов, к сожалению, не ускоряет автоматически развитие и не является безусловным их показателем. Например, Нигер входит в первую десятку самых бедных стран, хотя обладает значительным количеством и разнообразием природных ресурсов (золота, железной руды, урана, угля и нефти). Подобная ситуация видна и в ряде иных африканских стран, если не в большинстве из них.

В зависимости от изучаемого региона или субъекта, географические особенности более или менее важны с точки зрения их воздействия на политические отношения. В этом плане геополитику Африки характеризуют четыре основных аспекта:

➤ фрагментация и различия между субрегионами, а также между странами и между зонами в пределах одной и той же страны;

- межгосударственные конфликты на континенте (79 из 345 вооруженных конфликтов в 2008 г. произошли в Африке);
- зарубежная алчность;
- постоянные поиски путей интеграции и сотрудничества между государствами континента.

Основной вопрос: какова взаимосвязь между изобилием природных ресурсов в Африке и раздробленностью, конфликтами и жадностью иноземцев и, что наиболее важно, бесконечным стремлением к сотрудничеству, которое стало характерным для геополитической картины континента.

Взаимовлияние конфликтов и природных ресурсов нельзя автоматически интерпретировать как причинно-следственную связь. Наличие или отсутствие этих ресурсов не означает, что они с неизбежностью вызовут конфликт, так же как любой конфликт не обязательно является результатом спора о природных ресурсах. Но по данным ООН до 60 % конфликтов за последние 60 лет были связаны с природными ресурсами. На долю Африки приходится треть зарегистрированных в мире конфликтов, и большинство из них имеют прямую связь с добычей полезных ископаемых и нефти (Нигерия, Либерия, Сьерра-Леоне, Ангола, ДРК, Конго, Судан).

Большинство экономик Африки основано на экспорте сырья, отсюда и важность, придаваемая природным ресурсам. Для большинства стран они являются единственным источником экономического выживания. Вследствие этого страны не могут избежать конфликта, когда он вращается вокруг природных ресурсов. С точки зрения конфликта можно выделить несколько форм напряженности, связанных с природными ресурсами:

- природные ресурсы становятся катализатором пограничных, сухопутных или морских споров;
- они поощряют сепаратистские движения;
- они из-за своего изобилия стимулируют иностранную алчность;
- нехватка природных ресурсов в мире усугубляет региональные и международные конфликты на континенте.

В Африке присутствуют все эти формы конфликтов, связанные с природными ресурсами. В определенные исторические периоды одни формы преобладали над другими. Однако они всегда присутствовали. Некоторые аналитики потому заговорили о *проклятии природных ресурсов Африки* – феномене, когда ориентация на экспорт природных ресурсов, принося государственные доходы, как ни парадоксально, ведет к экономической стагнации и политической нестабильности.

После обретения независимости африканские государства столкнулись с пограничными спорами. Фактически в 1960-е – 1990-е гг. несколько стран оказались вовлечены в пограничные конфликты, борясь за определение границ. И большинство из них связывалось с богатствами в желанных зонах. Например, конфликт между Чадом и Ливией в 1970-е гг. был обусловлен борьбой за ресурсы нефти, урана и марганца.

Борьба за ресурсы происходит на суше и на море. Подписание Конвенции ООН по морскому праву в 1982 г. и серия открытий углеводородов в Гвинейском заливе с середины 1990-х гг. показали важность морских экономических зон и подтолкнули страны региона к активным мерам по обеспечению своего интереса вокруг морских границ, тем более, что море содержит и углеводородные, и рыбные запасы. Это привело к

возникновению конфликтов – либо новых для Африки по своей природе, либо к возрождению старых.

Напряженность вокруг природных ресурсов не ограничивается отношениями между африканскими странами. В пределах одного государства области, где сосредоточены природные ресурсы, стремятся присваивать всю прибыль, обделяя другие области страны. Внутренняя напряженность возникает в основном в бедных областях, которые во имя национальной солидарности требуют, чтобы доходы распределялись между всеми частями государства, а не уходили в один регион. Это нередко приводит к нарастанию сепаратистских настроений.

Яркий пример: в 1967 г. Биафра, восточный регион Нигерии, объявил себя независимым государством – Республикой Биафра. Кровавая гражданская война продолжалась до 1970 г. Вопреки утверждению, что провозглашение независимости имеет этнические корни, остается фактом иное: Биафра содержит две трети нефтяных запасов Нигерии, благодаря чему сама Нигерия стала одной из ведущих стран на континенте.

Появление Южного Судана – также наглядный пример воздействия природных ресурсов на геополитику. Южный Судан, богатый нефтью, давно стремился отделиться от севера. После обретения независимости в 2011 г. в Южном Судане разгорелась гражданская война, которая не только угрожает разрушить новое образование, но и создает дестабилизацию всего региона.

Фактор природных ресурсов также определяет характер политических отношений между африканскими странами и остальным миром. В этой сфере трудно провести различие между политикой и экономикой. Отношения между Китаем и Африкой, в основе которых лежат африканские природные ресурсы, первоначально все же основывались на политических и идеологических сходствах. Чтобы приблизиться к африканским странам, КНР даже определяет себя как развивающуюся страну. Возможности для получения ресурсов Африки Китаю открыло сближение антиимпериалистической и антиколониальной идеологии и статуса.

Несмотря на продвижение Китая, Индии и, в меньшей степени, Японии, западные державы сохранили традиционный доступ к богатствам Африки. Западные и развивающиеся страны конкурируют за захват ее природных богатств. Конкуренция идет не только за полезные ископаемые, но и за пахотные земли. Она – один из результатов бессилия Африки самостоятельно разрабатывать эти земли.

Природные ресурсы Африки распределены по всему континенту неравномерно. Важнейшие из них сосредоточены в отдельных странах. Иногда одна страна занимает первое место по нескольким ресурсам: наибольшую долю углеводородов и лидерство по их добыче удерживают Нигерия, Ангола, Алжир, Ливия и Египет. Другие остаются либо на уровне среднего или незначительного производства, либо даже испытывают недостаток углеводородных ресурсов. Африка занимает хорошие позиции по мировому производству золота. Оно сосредоточено также в нескольких странах – ЮАР, Танзании, Гане.

Природные ресурсы обычно воспринимаются как стратегический национальный капитал, связанный с суверенитетом, который должен оставаться в исключительном распоряжении государства. Любой неподконтрольный доступ партнеров к этим ресурсам рассматривается как прямая атака на суверенитет. С этой точки зрения природные ресурсы больше связаны с конфликтом, нежели с сотрудничеством.

Ресурсы влияют на межгосударственную интеграцию. Существует мнение: интеграция означает, что богатые природными ресурсами страны несут большее бремя интеграции. Действительно, в Африке уже предпринято несколько попыток улучшить управление природными ресурсами на двусторонней и многосторонней основе, что позволяет оптимизировать их добычу и эксплуатацию и создает более эффективные возможности для интеграционных проектов.

К примеру, в 2001 г. Нигерия заключила договор о совместной зоне развития с Сан-Томе и Принсипи. Зона расположена в приморских районах между двумя странами и обладает запасами нефти примерно в 1 млрд баррелей. По этому договору Сан-Томе получает 40 %, а Нигерия – 60 % прибыли. Совместная эксплуатация морских ресурсов, в том числе нефти, в зонах совместного развития делает ресурсы ведущим фактором сотрудничества и знаменует собой шаг к подлинной интеграции, а также помогает обеим странам предотвратить последствия неурегулированного пограничного спора. Газопровод Нигерия–Марокко – еще один пример интеграции. В декабре 2016 г. Марокко и Нигерия вступили в партнерские отношения для финансирования проекта газопровода для транспортировки нигерийского газа вдоль всего побережья Западной Африки в Марокко. Он может стать продолжением Западноафриканского газопровода, который обслуживает соседние с Нигерией Бенин, Того и Гану. Проект способен превратить конфликтогенность из-за природных ресурсов в рычаг сотрудничества. По его завершению трубопровод пройдет через 15 стран, и там появится электричество.

Природные ресурсы уже неоднократно приводили к общему видению и сближению между африканскими странами, хотя данный процесс находится в зародыше.

Можно сделать вывод, что геополитические реалии Африки влияют на природные ресурсы континента и находятся под их влиянием. Эти ресурсы лежат в основе многих конфликтов, напряженности и проявлений нестабильности на континенте. Однако появляется понимание того, что дисфункции в управлении природными ресурсами, которые ведут к неустойчивости континента, можно преодолеть только совместными усилиями – континентальной солидарностью, сотрудничеством между государствами и глобальнее: сотрудничеством на линии Юг–Юг. Посредством совместных инициатив африканцам предстоит превратить свои природные ресурсы в стимул развития без посягательств на суверенитет.

Вопрос 10.3. Отстраненность Африки от мировых геополитических процессов

Геополитика оперирует двумя точками зрения о перспективах развития государств Африки. Их будущее ассоциируется а) с возвратом к постколониальным схемам, с фатальной маргинализацией континента; б) с политикой модернизации по неолиберальной схеме Запада. Этим тенденциям соответствует оригинальная оценка современной государственной жизни африканцев, выведенная французским ученым Ф. Югоном: «Сегодня у африканцев ноги находятся в неолите, а голова – в Интернете».

Действительно, современная фаза геополитического развития африканских государств характеризуется нарастанием глобальных вызовов и угроз, которые они не в состоянии решить самостоятельно. Общеизвестен тот факт, что Африка вошла в XXI в. в

качестве маргинальной и наиболее дискриминированной части мирового сообщества – в значительной степени отстраненной от мировых геополитических процессов.

Можно назвать две основные *причины такой отстраненности*. Во-первых, на континенте фактически отсутствует интеграционный процесс, с помощью которого регионы смогли бы позиционировать себя как акторы геополитики, действующие в интересах региональной и мировой безопасности. Во-вторых, после окончания холодной войны, возникла удивительная ситуация, когда на протяжении более десяти лет у ведущих мировых держав не проявлялись насущные интересы к данному континенту. К примеру, у США не было необходимости разрабатывать новую африканскую политику. Ведь после краха биполярного мира, крушения СССР у США, ЕС и России возникли первостепенные геополитические проблемы, далекие от африканских.

Ранее, в биполярную эпоху, подобную отстраненность не смогли нивелировать СССР и США, хотя доктринальные особенности их внешней политики проявились тогда ощутимо. Так, СССР осуществлял комплексный план превращения Африки в зону коммунистического влияния, исключая государства с прозападными режимами; США придерживались принципа приоритета экономико-национальных интересов. И советская, и американская помощь странам Африки имела преимущественно негативные последствия. Их соперничество в Африке привело к многочисленным конфликтам на континенте, трудностям их урегулирования; порождало иждивенчество государственных лидеров, неспособность собственными силами решать внутренние и региональные проблемы.

В настоящее время в Африке представлена практически вся палитра экономических, политических и социальных угроз, с которыми сталкивается человечество: голод, острые социально-демографические проблемы, неуправляемые потоки беженцев, межгосударственные и гражданские войны, межэтнические столкновения, производство и вывоз наркотиков, эпидемии смертоносных болезней, включая СПИД (самый высокий уровень в мире).

1. В геополитическом смысле африканский континент – разнородная мозаика племен и народов, их культур и верований, которые не представляют собой единого образования, не составляют единой африканской цивилизации в качестве самостоятельной даже несмотря на определенные допущения.

2. Экономическая и технологическая отсталость Африки; сырьевая экономика как следствие колониального прошлого превратили ее в маргинальный сегмент геополитического пространства.

3. По данным Детского фонда ООН, на континенте самая высокая детская смертность в мире.

4. Около 50 % населения Тропической Африки живет менее чем на 40 центов в день.

5. Практически во всех странах континента предельно обострены социальные проблемы.

6. Из 20 самых бедных стран мира 18 находятся в Африке и с каждым годом становятся все беднее. На грани национальной катастрофы находятся Эфиопия, Ангола, Заир, Мозамбик, Либерия, Судан, Сомали.

7. Африка остается поставщиком преимущественно сырьевых товаров на мировой рынок. Импорт товаров в страны Африки по объему превышает экспорт. В

географическом отношении внешняя торговля стран континента ориентирована на промышленно развитые страны ЕС, что связано с относительной географической близостью и не утраченными с колониальных пор разносторонними экономическими связями. В товарной структуре экспорта исключительно высока доля нефти и газа, а также продовольствия и сырья растительного происхождения и руд металлов. В импорте преобладают готовые изделия (до 70 %): средства транспорта, машины и оборудование, а также продовольствие. Особенности торговых отношений подтверждают не вовлеченность, а скорее отстраненность континента от мировой цивилизации.

Такое необычайное переплетение всех наиболее острых проблем современности во многом связано с тем, что после окончания холодной войны здесь образовался «вакуум силы», поскольку США, не говоря о постсоветской России, не стали расходовать средства на стабилизацию ситуации на континенте. Предотвратить и урегулировать постоянно растущее число военных конфликтов в Африке не удастся даже с помощью ООН. «Голубые каски» ООН все чаще оказываются вовлеченными в боевые действия, попадая в заложники к вооруженным группировкам.

В мирном урегулировании пытаются участвовать неправительственные международные организации – Всемирный совет церквей и Всеафриканский совет церквей. Посреднические усилия иногда предпринимают новые региональные организации – Комитет восточноафриканских стран в составе Кении, Уганды, Эфиопии, Эритреи. В столице Танзании Дар-эс-Саламе создан Африканский центр по урегулированию конфликтов. Но конфессиональные и этнические стереотипы и убеждения, социально-этническая и религиозная психология служат неиссякаемыми источниками отстраненности от остального мира. Известно, что демократические принципы сосуществования различных конфессий и этнических групп законодательно закреплены во многих конституциях африканских государств, но на практике они игнорируются.

В отличие от таких регионов, как Восточная Азия, Латинская Америка, Африку нельзя назвать актором в современном геополитическом пространстве. Такая отстраненность ее от мировых геополитических процессов заключается в фактическом отсутствии интеграционного процесса, с помощью которого регионы позиционируют себя как акторы геополитики, действующие в интересах региональной и мировой безопасности. В Африке нет движений, которые сформировались еще в колониальную эпоху и активно боролись за национальную независимость, направлялись против разделительного партикуляризма в рамках одного государства. Добившись национальной независимости, национально-освободительные движения распались.

Пожалуй, только Нигерия и ЮАР в состоянии играть некоторую существенную роль за пределами непосредственно прилегающего к каждой из них региона. Делу объединения африканских стран не может служить и распространение в регионе демократии. В Африке нет прочно установившихся демократических государств, за исключением ЮАР. С 1990 г. выборы с участием нескольких партий прошли в 48 африканских государствах к югу от Сахары, что породило надежду на избавление в регионе от авторитарных руководителей и свирепствующей коррупции. Демократия несколько приоткрыла африканскую политику и принесла людям свободу, она же создавала хаос и нестабильность, ибо чрезмерное значение в регионе придавалось многопартийности выборов, а базовые принципы

либерального правления фактически игнорировались. «Идею лояльной оппозиции – самую суть современной парламентской демократии, – отмечает Г. Киссинджер, – трудно реализовать в случае, когда оппозиция рассматривается как угроза национальному единству, а принадлежность к ней приравнивается чуть ли не к государственной измене. По этой причине африканские государства столь склонны к гражданским войнам».

Единственная межправительственная организация в Африке – Африканский союз. Основные задачи АС реализуются с постоянной «пробуксовкой». Парламент АС, в который входят 265 членов национальных законодательных органов из 55 стран континента и который создавался для продвижения демократии, осуществления тесного политического сотрудничества и обеспечения экономического роста стран-членов, оказался на грани банкротства из-за того, что ведущие государства, такие как Ливия, Нигерия, Алжир, Египет и Южная Африка, не платят членских взносов.

Итак, сложилась исторически и сохраняется ситуация, когда Африка самостоятельно не может преодолеть негативные тенденции в своем развитии. Ей предстоит сделать ряд прорывных шагов, чтобы нейтрализовать сохраняющуюся отстраненность от мировых геополитических процессов и дальше целенаправленно достигать уровня современных цивилизаций через осуществление промышленной революции, гармонизацию структуры торговли с другими континентами, ускоренное нациостроительство путем преодоления племенных отношений, искоренение коррупции, урегулирование проблем беженцев, строительство институтов континентальной и региональной интеграции.

Вопрос 10.4. Геополитические факторы стабильности Африки

Парадоксально, но и стабильность, и дестабилизация африканского континента в XXI в. зависят, прежде всего, от внутриконтинентальных, региональных и национальных процессов, хотя на более ранних периодах подобная зависимость исходила из внеконтинентальных факторов. В последние 10-летия африканские государства не раз предпринимали попытки объединить усилия в борьбе с отсталостью и бедностью. Свидетельством стремления к интеграции стали решения о создании Африканского экономического сообщества (АЭС, 1991), об образовании Африканского союза. Под эгидой АС действует принятая в 2001 г. Программа развития Африки в XXI в. под названием «Новое партнерство для развития Африки» (НЕПАД); в ее состав вошли 53 страны-исполнители.

Суть АС в том, чтобы положить конец отсталости Африки, осуществить возрождение континента и избежать маргинализации через внутреннюю интеграцию. Также в контексте интеграционных процессов на континенте для решения глобальных проблем на политическом уровне создается новая трансконтинентальная институция – панафриканский парламент. Пока говорить о каких-то позитивных результатах рано, но Африканский союз на сегодня является перспективным вариантом для разработки стратегии преодоления отсталости Африки при опоре на собственные силы.

Создание АС показывает, что африканские государства осознают необходимость внедрения в мировое сообщество хотя бы с ограниченным политическим и экономическим весом. Его предшественница – Организация африканского единства (ОАЕ) – была создана в мае 1963 г. на конференции в Аддис-Абебе и являлась самой

крупной в мире региональной политической организацией. В основе ее деятельности лежали принципы солидарности и единства. Направлениями деятельности были провозглашены полное освобождение государств Африки от колониальной зависимости; ликвидация режимов апартеида; преодоление всех форм расовой дискриминации; единство африканских народов; достижение политической стабильности африканских государств.

Членами преобразованной в июле 2002 г. ОАЕ в Африканский союз являются все 55 африканских государств, хотя на деле далеко не все из них участвуют в ежегодных саммитах. В обобщенном виде Африканский союз сформулировал три основные задачи деятельности: 1 проявить коллективную политическую волю, чтобы стать на путь общеконтинентальной интеграции; 2 обеспечить уплату взносов членами АС; 3 вывести идеи panaфриканизма из узких рамок интеллектуальной элиты и распространить их среди 400 млн граждан Африки.

Реанимация ОАЕ в форме АС оказалась успешным завершением более ранних попыток африканского единства. Это – самый амбициозный проект такого рода в мире после Евросоюза. Самая большая проблема – увеличить сбор налогов для финансирования общеконтинентальных обязательств по договорам и протоколам, поддержать государственные и корпоративные решения по борьбе с коррупцией. Никакое другое сообщество в развивающемся мире столь не стремилось к собственному усилению и демократизации путем создания континентального парламента и судов для защиты прав человека, как АС. И если это окажется жизнеспособным, то АС будет вторым после европейского сообществом такого рода в мире. Оно значительно ускорит демократическое и экономическое развитие Африки.

Заметим, что Республика Беларусь поддерживает все позитивные политические процессы на континенте. Она непосредственно и активно взаимодействует с подавляющим большинством африканских государств в рамках Движения неприсоединения (ДН); в данное объединение входят 51 африканское государство из 55-и.

Характерной чертой *интеграционных процессов в Африке* является нарастающая степень их институционализации. На континенте функционируют около 200 экономических объединений различного уровня, масштабов и направленности. Но с точки зрения способности содействовать субрегиональной идентичности, не игнорируя идентичность национальную и этническую, интерес представляют функционирование лишь таких крупных организаций как Западноафриканское экономическое сообщество (ЭКОВАС), Сообщество развития Южной Африки (САДК), Экономическое сообщество Центральноафриканских государств (ЭККАС), Общий рынок для Восточной и Южной Африки (ОРВЮА). САДК считается самой перспективной региональной организацией на континенте, в которую входят 15 стран-участниц. Его цели в рамках экономической интеграции: создать зону свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, центральный банк и валютный союз и осуществить валютную интеграцию.

Эти немногие перечисленные геополитические факторы способны содействовать стабильности Африки. *Факторов дестабилизации* значительно больше.

Прежде всего, африканским странам не удалось изменить колониальный тип отраслевой и территориальной структуры экономики, хотя темпы экономического роста несколько ускорились. Колониальный тип отраслевой структуры хозяйства отличается

преобладанием мелкотоварного, потребительского сельского хозяйства, слабым развитием обрабатывающей промышленности, отставанием развития транспорта.

Сложилась своеобразная африканская разновидность «третьего пути развития» – это синтез европейских демократических институтов с африканскими традициями, в результате чего сложилась демократия с африканской шкалой ценностей: уравнительностью, трайбализмом, клановостью, отсутствием толерантности. *Трайбализм* – форма групповой обособленности, характеризуемая внутренней замкнутостью и исключительностью, обычно сопровождаемая враждебностью по отношению к другим группам.

В большинстве государств Африки возник разбухший, непрофессиональный и неэффективный бюрократический аппарат. При аморфности социальных структур единственной организованной силой оставалась армия. Результат: бесконечные военные перевороты. Диктаторы, приходившие к власти, присваивали себе несметные богатства. Капитал Мобуту, президента Конго, к моменту его свержения составлял 7 млрд долл. Экономика функционировала плохо, и это дало простор для «деструктивной» экономики: производства и распространения наркотиков, нелегальной добычи золота и алмазов, даже торговли людьми. Доля Африки в мировом ВВП и её удельный вес в мировом экспорте снижались, выпуск продукции на душу населения сокращался.

Нестабильность на континенте связывается также с изъянами монетаристской модели развития, навязанной международными финансовыми институтами. На неподготовленную исторически и ментально торгово-экономическую «почву» внедряются западные модели либерализации экономики, сокращения государственного сектора и развития свободных рыночных отношений. В экономико-социальной сфере никак не приживаются принципы конкуренции, невмешательства государства в рыночные отношения, социальной помощи нуждающимся.

Неудивительно, что отвергая названную «почву», многие африканские политические деятели и аналитики обвиняют западные страны во главе с США в крахе экономики африканских государств. Для обеспечения стабилизации африканского континента необходимы инвестиции в размере 100 млрд долл. ежегодно. Такие деньги предоставить африканским странам не готова ни одна международная структура. Это, по существу, означает, что геополитическая нестабильность Африки будет сохраняться и усиливаться.

Крайне низкая результативность континентальных институтов интеграции в предыдущие десятилетия и позже – в эпоху глобализации требует резкого ускорения интеграционных процессов на качественно ином уровне. Но, к сожалению, региональная и континентальная экономическая кооперация развивается не по пути формирования самодостаточной и саморазвивающейся экономики при опоре на внешнее содействие, а в противовес империалистическому Западу.

Становление суверенной государственности на континенте крайне осложнялось абсолютной искусственностью государственных границ. Африка получила их в наследство от колониального прошлого. Они устанавливались при разделе континента на сферы влияния, имея мало общего с границами этническими. ОАЕ, сознавая, что любая попытка исправить любую границу может привести к непредсказуемым последствиям, призвала считать эти границы незыблемыми, сколь бы несправедливы они ни были. И всё же они превратились в источник этнических конфликтов и перемещений миллионов беженцев.

В последние десятилетия с темпами роста промышленного производства наблюдалась тревожная картина, позволяющая говорить о фактической деиндустриализации региона. Если в 1965–1980 гг. они в среднем ежегодно составили 7,5 %, то за 80-е гг. – только 0,7 %. Падение темпов роста переживали как добывающая, так и обрабатывающая отрасли. В силу ряда причин особая роль в обеспечении социально-экономического развития того или иного региона принадлежит горнодобывающей промышленности, но и это производство ежегодно сокращается на 2 %. Характерная особенность развития стран Тропической Африки – слабое развитие обрабатывающей промышленности. Лишь в очень небольшой группе стран (Замбия, Зимбабве, Сенегал) её доля в ВВП достигает или превышает 20 %.

Проявились и уникальные тенденции социально-политического развития арабских стран Африки в начале XXI в.: а) либерализация и определенная демократизация общественно-политической сферы; б) подъем исламизма.

Как результат, за Африкой закрепляется незавидная роль пространства демодернизации и неoarхаизации современного мира. При этом африканскую нефть и газ трудно назвать геополитическими ресурсами, способствующими превращению континента в финансово и экономически успешный, в политически влиятельный и авторитетный регион мира. Некоторые геополитики видят в этом новом противостоянии Севера и Юга не что иное, как «вертикальное» столкновение цивилизаций. Они считают, что современный мир столкнется не с теми культурами, которые существуют на планете в проявленном виде и хорошо известны, а с возникающей тенью, призраком цивилизации, нависающим над будущим. Такой прогноз весьма тревожен, ведь труднее всего бороться с теми угрозами, которые не поддаются идентификации. Что еще хуже, подобный прогноз побуждает к отстраненности современных цивилизаций от помощи «призракам цивилизации».

Вопрос 10.5. Геостратегическое положение ЮАР

Цивилизационный упадок результативнее других преодолевает Южно-Африканская Республика (ЮАР). Она занимает важное геостратегическое положение на стыке и пересечении интересов развитых и развивающихся стран, соприкосновения цивилизаций. Ее территория, внутренний потенциал представляют собой важнейший элемент африканского континента. Это дает возможность ЮАР в ряде случаев играть роль связующего звена между африканскими странами и другими континентами, а успех внешней политики во многом зависит от способности руководства использовать в совокупности преимущества страны.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. правительство ЮАР провело масштабные мероприятия по отказу от политики апартеида из-за усилившихся внешних экономических санкций и внутренней дестабилизации. *Справочно:* апартеид – политика жесткой расовой дискриминации и сегрегации в отношении цветного населения, проводившаяся в ЮАР до конца 1980 г. После перехода к многорасовой демократии страна получила возможность участвовать в процессах региональной и международной интеграции.

Приоритетными для внешней политики ЮАР являются отношения с государствами континента, так как от их характера во многом зависит безопасность страны, причем не

только в военно-политическом плане. В частности, стало актуальным решение проблем притока мигрантов.

Для ЮАР неприемлема роль сателлита развитых стран, она решительно выступает за равноправное представительство стран третьего мира во всех международных институтах. При этом ее руководство позитивно настроено на диалог с развитыми странами, особенно в торгово-экономической сфере. ЮАР более глубоко и практично, чем другие страны региона, видит один из основных путей защиты своих национальных интересов в усилении региональной интеграции, взаимной поддержки и солидарности.

Современная ЮАР все более открыто позиционирует себя в роли континентального экономического лидера. У нее самая крупная и развитая экономика в Африке. В 1990-х гг. по объему ВВП ЮАР почти в 2 раза превышала ВВП Египта. Страна весьма привлекательна для иностранного бизнеса. По объему ВВП она разместилась на 26 месте в мире. Однако темпы роста относительно низки по меркам развивающихся экономик: 2 % в год и 143-е место в мире. При этом потенциальная направленность на национализацию предприятий и усиление государственного регулирования экономики притормаживают поступления новых инвестиций.

Интеграционные процессы в Южно-Африканском регионе, в которых участвует ЮАР, имеют экономический и военно-политический характер. С 1994 г. – после окончания переходного периода к многорасовой демократии, несмотря на внутренние трудности и экономический спад, страна стала доминирующей политической и экономической региональной державой Юга Африки. Но надо признать, что результаты участия ЮАР в интеграционных процессах на сегодня не принесли ошеломляющих результатов, хотя в будущем возможно ускорение позитивных изменений.

Своим опережающим развитием на фоне других стран континента ЮАР во многом обязана природным ресурсам. Разведанные запасы оцениваются в 2,5 трлн долл., и хватит их больше чем на столетие. Активно добываются марганец, металлы платиновой группы, золото, хромиты, алюмоглюкаты, анатиды, цирконий. На территории страны сосредоточены крупные запасы алмазов (все еще не растроченные), асбеста, никеля, свинца, урана, угля. В стоимостном выражении главный экспортный продукт – платина. Основные статьи импорта – нефть, продовольствие, оборудование, научные приборы, продукция химической промышленности. Возросшие цены на сырье подняли в посткризисные годы (после 2008 г.) добывающую промышленность, как и всю экономику.

ЮАР – государство с наиболее современной армией в Южно-Африканском регионе. Правда, боеспособность ее вызывает сомнения у многих военных аналитиков, так как более 20 % военнослужащих – ВИЧ-инфицированные. Тем не менее армия гарантирует стране роль гегемона в рамках Сообщества Юга Африки (САДК), в котором в качестве постоянных членов состоит 14 государств. САДК располагает собственными (по преимуществу под руководством ЮАР) миротворческими вооруженными силами.

Главную сложность для перехода к интенсивному развитию составляет исключительная неоднородность, разнообразие южноафриканского общества, где соседствуют не только расы, культуры, религии и языки, но и разные эпохи и уклады.

В 2014 г. исполнилось 20 лет с момента проведения первых всеобщих нерасовых выборов, изменивших политическое устройство и всю общественную жизнь Южно-Африканской Республики. Осуществление намеченных задач во внешнеполитической

сфере имеет свои трудности как организационные, экономические, так и социальные, психологические. Географическое положение, ведущая роль в регионе, сравнительно высокий уровень экономического развития, богатство природных ресурсов – немаловажные факторы экономического развития при определении стратегии современной внешней политики ЮАР.

Уровень жизни по африканским меркам достаточно высок. Однако в мире по ВВП на душу населения, рассчитанному по паритету покупательной способности, ЮАР занимает 108-е место (2013). Социальные проблемы обострены до предела. Главные пороки социально-экономической жизни: безработица, низкие стандарты образования для цветного населения, недостаточное развитие инфраструктуры. Кумовство не дает бедным воспользоваться плодами развития, экономика слишком зависит от добычи сырья, малоэффективная система здравоохранения не позволяет справиться с эпидемиями, общественные службы развиты слабо и неравномерно, широко распространена коррупция, общество остается разделенным. Ситуация с занятостью близка к катастрофе, безработица остается на очень высоком уровне – 25 %.

Уровень социального расслоения в ЮАР – один из самых высоких в мире. Около 15 % жителей ни в чем себе не отказывают. При этом половина населения, в основном чернокожие, живут в полной нищете. Остро стала проблема нелегальной миграции – из Зимбабве, Анголы, Мозамбика и других стран Восточной Африки. Всего в ЮАР, по оценкам различных экспертов, проживает от 5 до 8 млн незаконных переселенцев, конфликты с которыми – в порядке вещей.

Эпидемия СПИДа поразила ЮАР едва ли не сильнее, чем любую другую страну мира (хуже только в Свазиленде, Ботсване и Лесото). Средняя продолжительность жизни в стране – 49-50 лет. ЮАР занимает первое место по уровню смертности в мире.

Таким образом, существуют значительные препятствия на пути ЮАР к экономическому лидерству в Африке. Однако несмотря на серьезные социально-экономические проблемы, страна прагматично выходит на мировую арену, стремясь тем самым укрепить свое международное положение и одновременно улучшить внутреннюю ситуацию за счет помощи извне. ЮАР способна сыграть видную роль в межправительственных организациях континента – при решении политических и социальных проблем африканских государств и урегулировании конфликтов в рамках этих организаций, а также развивать политическое и экономическое сотрудничество.

Чемпионат мира по футболу 2010 г. дал шансы ЮАР заявить о себе на весь мир. Это событие стало подлинным триумфом национального духа: весь мир услышал теперь уже легендарные вузузлы. Это придало всем группам населения и политическим силам – на фоне осознания факта отставания от достижений развитых стран – динамику устремлений к развитию быстрыми темпами, тем более что для этого есть предпосылки.

Вопрос 10.6. Особая роль ЮАР в Африке

Уникальный мирный переход ЮАР от десятилетий апартеида к полноценной демократии в середине 1990-х гг. стал началом тяжелой работы по строительству в Южной Африке новой национальной и политической идентичности. По словам С. Хантингтона, «ЮАР отменила апартеид и таким образом сменила свой статус страны-

изгоя на роль ведущей державы своей цивилизации. Усвоив уроки добра и зла западного влияния, от христианства до апартеида, ЮАР имеет особенное право вести за собой Африку».

Позиция Нельсона Манделы, первого президента демократической ЮАР, заключалась в переходе от расистского общества не к многорасовому, а к безрасовому. На первый план выдвинулось создание «черной буржуазии» и ускоренный рост черного среднего класса, а также «создание единого, нерасового, несексистского, демократического общества». Чтобы занять свое место в международном мире, ЮАР пришлось ввести западные демократические институты, вследствие чего у власти появилась высоко вестернизированная черная элита.

Табо Мбеки, ставший президентом в 1998 г. после Манделы, выступил архитектором новой схемы культурных изменений, которую он назвал «Африканским ренессансом». Данная доктрина – и политический инструмент, и глубоко прочувственное убеждение президента Мбеки и членов его круга. Однако данные опросов показали, что эта идея не оказывала сколько-нибудь сильного влияния на население в целом.

В это же время началась пропаганда концепции «убунту», что можно перевести как «человечность», «совместимость». Со временем «убунту» стала считаться африканской идеологией и африканским образом жизни, якобы общепринятым до прихода белого человека. Эта идеализированная идеология и внутренние идейные искания наложили отпечаток на внешнеполитическую доктрину ЮАР, сделав ее самобытной. Она означает следующее: «Южная Африка – многообразная, мультикультурная и мультирасовая страна, которая принимает концепцию «убунту» для определения того, кто мы такие и как соотносимся с другими. Она сыграла основную роль в выковывании южноафриканского национального сознания, в процессах демократической трансформации национального строительства. Демократия «убунту» обозначила выход ЮАР на мировую арену.

К числу фирменных знаков южноафриканской внешней политики следует отнести озабоченность проблемами расовой дискриминации в глобальном масштабе. Кейптаун проявляет также повышенную заинтересованность в решении вопросов охраны окружающей среды и изменения климата, выступает за заключение юридически обязывающего соглашения в этой области. В конце 2011 г. Южная Африка принимала у себя XVII Конференцию инициаторов подписания конвенции ООН по изменению климата.

ЮАР исходит из того, что перспектива перемещения центра силы мирового развития открывает перед страной уникальную возможность резко увеличить свой вес на международной арене, став не только региональной державой, но и государством, способным воздействовать на глобальный порядок. В этом контексте элита крайне серьезно и с энтузиазмом относится к новому статусу члена БРИКС. (В апреле 2011 г. – с присоединением Южной Африки – БРИК превратился в БРИКС).

Претензии на африканское лидерство требуют укрепления оборонных возможностей. Военные расходы составляют 1 % от ВВП (2013). Реализуется цель увеличения доли оборонных расходов. В последние годы Южно-Африканские национальные силы обороны участвовали в миротворческих и восстановительных миссиях в Бурунди, Кот д'Ивуаре, ДРК, Эфиопии, Эритрее, Непале и Судане, а также в операциях по поддержанию порядка во время выборов на Коморских островах, в ДРК, на Мадагаскаре и в Лесото. В 2011 г.

военные ЮАР осуществляли вспомогательные операции в Центрально-Африканской Республике и помогли Мозамбику бороться с пиратством в Мозамбикском проливе.

Западные страны критикуют руководство ЮАР за поддержку национально-освободительных движений и их вождей даже в тех случаях, когда последние превращаются в единоличных лидеров или диктаторов. Не всем понравилось, что Южная Африка пыталась выступить посредником в ливийском конфликте. Предложенная Зумой от имени Африканского союза дорожная карта предполагала прекращение военных действий всеми сторонами, проведение Муамаром Каддафи политических реформ и инклюзивный диалог между участниками конфликта. Каддафи южноафриканские условия принял, оппозиция – нет. Итог – военная операция НАТО.

Безусловный геополитический приоритет ЮАР – африканский континент, где страна претендует на лидерские позиции, соотносимые с немецкими в Евросоюзе. ЮАР подчеркивает свою неразрывную связь со стабильностью, единством и процветанием континента, равно как и ведущую роль в его экономике. Южноафриканское руководство приложило немалые усилия для реализации амбициозной инициативы Нового партнерства для развития Африки (НЕПАД) и превращения ОАЕ в АС. Помимо этого были предложены к подписанию соглашения о зоне свободной торговли между региональными интеграционными группировками – Южно-Африканским сообществом развития, Общим рынком Восточной и Южной Африки, Восточно-Африканским сообществом, – которые рассматриваются как элементы для будущей панафриканской интеграционной системы.

Существует понимание, что международный вес ЮАР будет зависеть от того, насколько она окажется способной выступить в роли лидера и интегратора континента. В этой связи избрание в 2012 г. Председателем Комиссии АС Дламини-Зумы стало крупным успехом для ЮАР.

Второе по значимости внешнеполитическое направление после АС – отношения на линии Юг–Юг. Здесь наибольшее внимание уделяется сотрудничеству в форматах ИБСА (Индия, Бразилия, Южная Африка), Группы стран Африки, Карибского бассейна и Тихого океана, стран Британского Содружества (членство в Содружестве восстановлено в 1994 г.), расположенных в Южном полушарии. В ЮАР прошел в 2011 г. пятый саммит ИБСА.

Предпосылками создания ИБСА, уникального трансконтинентального объединения государств, стали социально-экономические условия развития, политические позиции на мировой арене, региональное лидерство стран-участниц. ИБСА находится в процессе становления и развития. Его деятельность покажет, сможет ли оно использовать свой потенциал для достижения намеченных целей.

Третье направление – участие в организациях многостороннего сотрудничества. После падения режима апартеида ЮАР восстановила членство во всех основных международных организациях, среди которых неизменно выделяется ООН. Руководство неоднократно заявляло о претензиях страны на место постоянного члена Совета Безопасности. Повышение своей роли в мировом сообществе ЮАР также связывает с членством в «Большой двадцатке» (G-20), с активностью в Движении неприсоединения и группе 77 развивающихся стран.

Четвертое направление – участие в глобальных процессах разоружения, а также в программах по нераспространению оружия массового уничтожения. На этом «поле» ЮАР

усиливает позиции лидера в Южноафриканском регионе, активно используя институт международного миротворчества. ЮАР обладала небольшим ядерным арсеналом, который был добровольно уничтожен в начале 1990-х гг. при демонтаже режима апартеида. Таким образом, ЮАР стала единственной страной, которая самостоятельно разработала ядерное оружие и при этом добровольно от него отказалась. Однако, по мнению С. Хантингтона, у «ЮАР вполне может возникнуть желание вновь обзавестись им, в случае если Нигерия начнет развивать свою атомную программу». Также допускается, что южноафриканское руководство может обзавестись новым ядерным арсеналом с тем, чтобы с его помощью обеспечить себе роль стержневого государства Африки и удержать вероятного внеконтинентального противника от вторжения в Африку.

Пятое направление – политика развития стабильных и динамичных отношений со всеми ведущими мировыми державами. Лидирующие позиции среди ее торговых партнеров занимают Китай, США, Япония, Германия, Индия. Латиноамериканские страны и МЕРКОСУР (с которым у Зоны свободной торговли Юга Африки есть торговое соглашение) ЮАР считает более важными партнерами в Западной полушарии, чем США. Но и с Вашингтоном Кейптаун вовсе не настроен на конфронтацию, считая, что США останутся доминирующей силой – политической, экономической, военной – благодаря своему потенциалу для торговли, туризма и инвестиций.

Тесные экономические связи ЮАР с ЕС взаимовыгодны, но в то же время Кейптауну неприятно стремление Евросоюза закрепить за ЮАР положение экономически зависимого партнера. В свою очередь, ЮАР стремится выстроить отношения на равных и более того – использовать сотрудничество с ЕС как противовес американскому влиянию. На ЕС приходится треть всей внешней торговли, 40 % экспорта, 70 % прямых иностранных инвестиций.

Завершая вопрос, подчеркнем: основными направлениями внешнеполитической деятельности ЮАР – лидера в южноафриканском регионе являются:

- создание, укрепление и совершенствование региональной системы коллективной безопасности;
- сохранение и укрепление позиций в Сообществе развития Южной Африки;
- концентрированное применение активных политических, экономических и дипломатических усилий в интересах предотвращения и урегулирования локальных и региональных конфликтов.

А в целом на африканском континенте роль ЮАР, безусловно, значительная. Однако страна все еще слаба для того, чтобы взять на себя роль уверенного лидера и представителя всей Африки. Так, С. Хантингтон пишет: «У южных цивилизаций, ... Африки нет стержневых стран, они находятся в зависимости от Запада и относительно слабы как в военном, так и в экономическом отношении». Однако оставаясь зависимой от Запада, Африка становится на него все менее похожей. ЮАР приняла западные демократические институты в начале 1990-х гг., параллельно во всей Африке начался долговременный процесс девестернизации: значимость и влияние западных стран падают, на первый план вновь выдвигается «туземная культура». По мнению того же Хантингтона, существует вероятность, что новый ядерный арсенал будет использован южноафриканским правительством с тем, чтобы обеспечить себе лидерство в Африке. Сегодня, вероятно, нельзя говорить о главенствующей роли ЮАР в Африке, но

безусловно следует заметить ее особую роль на континенте в качестве потенциального лидера в будущем.

Вопрос 10.7. Геополитический расклад стран Латинской Америки

Латинской Америкой называют группу стран, расположенных в западном полушарии между южной границей США и Антарктидой. В ее состав входят Мексика, страны, лежащие на перешейке Центральной Америки, островов Вест-Индии и страны материка Южной Америки с прилегающими к нему островами. Латинская Америка – один из крупнейших регионов мира. Он включает 46 стран, из них 33 – независимые государства, и ряд колониальных владений. Его площадь – 20,6 млн км², где в 1990-х гг. проживало более 450 млн человек. Латинская Америка протянулась с севера на юг на 13 тыс. км, а с запада на восток – на 5 тыс. км. Континент расположен в трех полушариях: северном, южном и западном; находится в сравнительной близости от США. Существует поговорка о зависимости латиноамериканских стран от США: «Когда в США сквозняк, латиноамериканские страны заболевают гриппом». Почти все страны континента имеют выход к морю, что важно для связи с внеконтинентальными странами и между собой.

Большое значение для экономико-географического положения континента имеет Панамский канал, по которому проходят важные международные трассы. В 2000 г. США передали канал правительству Панамы. В 18 государствах Латинской Америки (около 63% населения) официальным языком является испанский, в Бразилии (34% населения) – португальский.

Латинская Америка – один из крупнейших и разнороднейших регионов мира. На территории Центральной и Южной Америки проживает более сотни различных народов и племен, а также населения, появляющегося от смешанных браков. Эти земли в свое время пытались колонизировать англичане, испанцы, португальцы. Сложный этнонациональный ландшафт позволяет развиваться огромному количеству культур и религий, а особенности взаимодействия на наднациональном уровне позволяют говорить о сложности региональной интеграции.

Страны Латинской Америки отличаются не только близостью языка и культуры, но и определенной общностью исторических судеб, что обусловило общность многих черт их современного социально-экономического развития. Большинство государств – унитарные, федеративные республики. Латинскую Америку обычно относят к группе развивающихся стран. Но в отличие от развивающихся стран других регионов, континентальные латиноамериканские государства прошли длительный путь независимого развития. Многие из них выделяются гораздо более высоким уровнем развития капитализма, промышленности, городской жизни, чем страны Африки. Это относится прежде всего к Аргентине, Бразилии, Мексике, Венесуэле, Уругваю, Чили.

Сэмюэль Хантингтон отнес латиноамериканский регион к потенциальным цивилизациям, которые могут стать цивилизациями только при соблюдении ряда социальных и культурологических тенденций. Частично он был прав. Но можно говорить и о сложном многовекторном явлении, которое резонно назвать латиноцентризмом, обусловленным ростом латиноамериканской региональной идентичности, отказом от модели западной культуры, ростом торговых связей, не завязанных на США. До сих пор

континент остается зоной интересов Вашингтона, однако все больше и больше наблюдается становление самосознания и сопротивления транснациональным корпорациям благодаря укреплению национальной идентичности.

Основными *общими тенденциями развития латиноамериканского мира* выступают:

- в экономической области – вступление экономики региона в завершающую фазу отхода от неолиберальных идей; сдвиг экономической политики в сторону социально ориентированной экономики;

- в политической области – ослабление левого дрейфа в политике латиноамериканских стран, отход от леворадикальных идей и рост популярности право- и левоцентристских взглядов.

Эти два основных взаимосвязанных и взаимовлияющих фактора определили общую тенденцию латиноамериканского региона – рост осознания политической элитой и большей частью населения стран региона его значимости как полноценного, влиятельного игрока в мировой экономике и политике.

В постбиполярный период характерной политической тенденцией континента стал уклон внутривнутриполитических процессов в большинстве его стран влево, в сторону неосоциалистических идей. Спектр таких убеждений варьируется от лево- до правоцентристских. Помимо экономических причин этого дрейфа (отказ от неолиберальной экономической политики), центростремительные тенденции объясняются рядом социальных трансформаций, в частности, преобразованием самого общества стран этого региона.

Идеологической базой этого процесса являлся антилиберализм в экономике и антиамериканизм в политике. Причем степень их проявления в разных странах различная: от открытых форм их проявления (Куба, Венесуэла, Боливия) до менее выраженных (Чили, Перу, Уругвай, Эквадор, Никарагуа) и слабых форм (Бразилия, Аргентина, Мексика, Панама, Коста-Рика). В основе этих идеологических постулатов лежит аргумент о тяжелых последствиях и социальных издержках «неолиберальной глобализации», реализованной в странах Латинской Америки под нажимом США.

Существенно заметить, что «неолиберальная волна» по-американски накрыла латиноамериканские государства не в одинаковой степени. Наиболее показательны в этом смысле Бразилия и Аргентина. Руководство этих стран проявило сдержанность в реализации американского проекта «неолиберальной глобализации», отдав предпочтение курсу на социальную ориентацию и субрегиональную интеграцию. Эту геополитическую линию последовательно проводит Бразилия, став в последние годы лидером в регионе. Подобный курс национально ориентированного развития реализуется и в Аргентине, где на первый план вышли борьба с бедностью, безработицей и преступностью, а также улучшение системы образования и здравоохранения и другие левые политические лозунги.

Крах неолиберальных идей просматривается и на примере Чили – стране, где в течение десятилетий режим Пиночета насаждал неолиберальную политику под патронажем США; здесь все больше пробивают себе дорогу идеи неосоциализма. Но наиболее показателен в этом плане процесс в Венесуэле и Боливии, а также приближающемся к ним в этом отношении Эквадоре. Концепция «социализма XXI в.», выдвинутая венесуэльским лидером, бывшим президентом страны Уго Чавесом, стала

активно тиражироваться в этих странах и даже за пределами Латинской Америки. Она не имеет четких теоретических установок, это скорее – результат ситуативных размышлений Чавеса или дискуссий (с его участием) теоретиков левой ориентации из разных стран.

Близким к политике Чавеса проводил свой политический курс недавно смещенный президент Боливии Хуан Эво Моралес – лидер партии «Движение к социализму». Популярность этого лидера заделась на обещаниях вернуть природные богатства (в первую очередь, нефть и газ) народу, восстановить историческую справедливость в отношении индейских народов (свыше половины жителей страны), покончить с разгулом наркобизнеса, при этом не запрещая крестьянам высевать коку как традиционную сельхозкультуру индейцев, которую они используют в медицинских и тонизирующих целях. Особый акцент в своей экономической политике Э. Моралес делал на активизации участия Боливии в Боливарианской альтернативе для Америк как главном приоритете своего внешнеполитического курса. В рамках этой организации Боливия получала финансовую и техническую помощь от Венесуэлы, использует кубинских специалистов (особенно, в области здравоохранения), решает проблемы укрепления обороноспособности.

Более сдержанную политику проводят Никарагуа и Эквадор. В этом плане показателен внутривнутриполитический курс Даниэля Ортеги – никарагуанского президента и бывшего активного участника сандинистского движения, который лавирует между левоцентристскими и леворадикальными идеями. Например, Д. Ортега объявил о намерении Никарагуа войти в Боливарианскую альтернативу, но одновременно подтвердил уважение к договору о свободной торговле с Вашингтоном. Эквадор отказался подписать подобный договор как ущемляющий его интересы в целом и сельскохозяйственных производителей, в частности. Самым непримиримым противником договора выступила Венесуэла. Именно это стало причиной выхода Венесуэлы из Андского сообщества наций (АСН). Покойный У. Чавес обвинил США в разрушении этой региональной организации, заявив, что «империализм всегда стремился к разъединению Южной Америки».

Вопрос 10.8. Современные геополитические сдвиги в Латинской Америке

В XXI в. произошли кардинальные изменения в геополитическом положении стран Латинской Америки. Развернулись различного рода интеграционные процессы в разнообразных форматах, включивших в себя все государства этой части Земного шара. На мировую арену вышли новые влиятельные партнеры из различных частей мира, существенно расширив диапазон внешних связей латиноамериканских и карибских стран, что объективно повышает роль Латинской Америки на международной арене.

Подчеркнем: в геополитике стран континента наблюдаются *два наиболее существенных сдвига*:

- во-первых, интенсификация внутривнутрирегионального взаимодействия;
- во-вторых, поиск новых перспективных внеконтинентальных партнеров.

Большинство латиноамериканских лидеров уже стали адептами следующего стратегического подхода: необходимо тяготеть в сторону как Атлантики, так и Тихого

океана, что обещает положительную динамику развития с учетом происходящего переустройства мира. А поскольку континент находится в середине этих двух интеграционных группировок, то его положение следует максимально использовать с учетом представляющихся возможностей.

С одной стороны, континент связан многовековой историей с Атлантическим океаном, имея тесные экономические связи с Африкой, Европой и Средиземноморьем. С другой, через Тихий океан латиноамериканские страны активизируют отношения с экономическими «тиграми»: Японией, Китаем, а также с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии, Австралией и Новой Зеландией. Перед Латинской Америкой открываются невиданные возможности, поскольку она оказалась на перекрестке маршрутов из Атлантики и Тихого океана. Эти возможности сейчас потребовали от всех стран, омываемых водами обоих океанов, максимально координировать свои действия.

Осознание геоцентризма поставило во главу угла интеграцию, о которой много говорилось и ранее – в течение существования независимых государств континента. Но только благодаря интеграции на уровне всего континента становится достижимым то, чего не удавалось с помощью региональных усилий в прошлом. Общественные силы стран: деловые круги, предприниматели, профсоюзы, работники науки и культуры – осознали необходимость такой интеграции быстрее, чем главы государств. Континентальная интеграция помогает внутренней консолидации и активизации усилий вовне.

Так, Чили, государство, расположенное на побережье Тихого океана, вкладывает крупные средства в Бразилию и поэтому может считаться и атлантическим государством. За последние годы Чили инвестировала более 24 млрд долл., создав в Бразилии десятки тысяч рабочих мест в таких областях, как производство целлюлозы, бумаги, электроэнергии, в сфере информационных технологий, в химической и металлургической промышленности. Помимо чилийских, в Бразилии функционируют аргентинские, перуанские, колумбийские и мексиканские предприятия, обеспечивающие растущие потребности 200-миллионного населения страны.

С другой стороны, Бразилия и Аргентина, помимо взаимных инвестиций, оказывают содействие в осуществлении ряда промышленных и инфраструктурных проектов в других странах континента. Если до 2006 г. в Колумбии работали только две бразильские компании, то в середине 2010-х гг. их количество достигло 40. В Чили действуют 70 бразильских предприятий, в Перу – 44. Ко всему этому следует добавить присутствие южноамериканских стран в Центральной Америке и бассейне Карибского моря, где они инвестируют в новые промышленные мощности, финансируют строительство портов, аэропортов, дорог и метро.

Всплеск центростремительных усилий отразился и в организационно-политических императивах. За последние десятилетия здесь возникли новые интеграционные объединения, охватившие все без исключения государства Латинской Америки и ставшие составным элементом не только региональной, но общемировой картины.

В декабре 2004 г. в перуанском г. Куско руководители 12 государств Южной Америки подписали декларацию о создании региональной экономической и политической организации – Южноамериканского сообщества наций (ЮСН). В этой (так называемой Декларации Куско) указывалось, что учреждение ЮСН отражает стремление

латиноамериканских народов к интеграции, единству и строительству общего будущего. В 2007 г. ЮСН переименован в Союз Южноамериканских наций (УНАСУР) со штаб-квартирой в Кито (Эквадор).

Главной целью деятельности УНАСУР провозглашена интеграция латиноамериканских государств и народов. Основные направления его деятельности определены Конституционным договором 2008 г.; это – а) взаимодействие в финансово-экономической области, энергетике, развитии промышленной и хозяйственной структуры; б) сотрудничество в социальной сфере, включая совместные меры на межгосударственном уровне по совершенствованию национальных систем здравоохранения; в) мониторинг электоральных процессов в плане обеспечения их соответствия демократическим требованиям, что предполагает участие представителей УНАСУР в качестве наблюдателей на национальных выборах; г) налаживание контактов в вопросах обороны, обеспечения региональной безопасности и борьбы с трансграничной наркоторговлей.

Буквально через несколько дней после подписания Декларации Куско по инициативе У. Чавеса была учреждена еще одна интеграционная организация субрегионального уровня – Боливарианская альтернатива для Америки, в 2009 г. переименованная в Боливарианский альянс для народов нашей Америки – Торговый договор народов (АЛБА). В нее вошли восемь стран, правительства которых придерживаются социалистических или социал-демократических взглядов: Антигуа и Барбуда, Боливия, Венесуэла, Доминика, Куба, Никарагуа, Сет-Винсент и Гренадины, Эквадор. АЛБА – один из результатов нефтяной дипломатии Каракаса, который, стремясь к политическому лидерству в регионе, сплотил вокруг себя идеологически близкие и экономически слабые государства. Кончина Чавеса 5 марта 2013 г. внесла элемент неопределенности в будущее АЛБА.

Шагом в направлении строительства единой Латино-Карибской Америки на основе в чем-то разных политических ценностей, но общих экономических интересов и целей явилось образование в Мексике в феврале 2010 г. Сообщества латиноамериканских и карибских государств (СЕЛАК), в которое вошли 33 страны. Общий потенциал стран-участниц Сообщества латиноамериканских и карибских государств (СЕЛАК) таков: а) территория 20,5 млн км²; б) население свыше 600 млн человек; в) доля в мировом ВВП более 8 %. Сообщество олицетворяет тенденцию дистанцирования латиноамериканских стран от опеки Вашингтона, даже перехвата геополитического лидерства Вашингтона. Оно противостоит Организации американских государств (ОАГ) – традиционной американской организации (1948), в которой участвуют все страны ЛКА (за исключением Кубы), США и Канада. Геополитическим реваншем СЕЛАК стало участие Кубы, но отсутствие США и Канады. Основная цель СЕЛАК: служить площадкой «интеграции интеграций» – для усиления многоформатного регионального сотрудничества и содействия максимально полному раскрытию хозяйственного потенциала латиноамериканских и карибских стран. Правда, антиамериканский дискурс АЛБА настораживал лидеров СЕЛАК, занимающих более умеренные позиции, делал хрупким латинское единство на континенте.

Сугубо прагматический характер с момента своего основания в июне 2012 г. носит Тихоокеанский альянс, в состав которого вошли Колумбия, Мексика, Перу и Чили. Этот торговый блок «тихоокеанской четверки» создает собственную зону свободной торговли.

Тихоокеанский альянс установил наиболее тесные экономико-финансовые связи со странами АТР. Торговый и экономический потенциал стран-участниц Тихоокеанского альянса, это – а) 35 % регионального ВВП; б) 55 % совокупного внешнеторгового оборота латиноамериканских стран.

Приведенные примеры созданных интеграционных группировок в ЛКА говорят о структурировании, развитии и усложнении международно-политического ландшафта на континенте, о формировании новых ориентиров сотрудничества.

Как отмечено выше, вторым сдвигом в геополитике стран континента стал поиск новых перспективных внеконтинентальных партнеров. Ключевую роль в этом плане приобрел поворот в сторону стремительно растущих азиатских рынков. Данный сдвиг олицетворяет геэкономический вектор международного сотрудничества. Сложилось коллективное мнение, что диалог ЛКА с Китаем не менее важен, чем переговоры об оптимизации торгово-экономического взаимодействия с США и Евросоюзом.

Хозяйственное сотрудничество стран ЛКА с Китаем и другими азиатскими странами не ограничивается торговлей, оно распространяется на все сферы экономической и финансовой деятельности. К примеру, в 2010–2011 гг. иностранные инвесторы приобрели в странах континента активов на сумму свыше 49 млрд долл., из которых около 30 млрд (61 %) пришлось на долю азиатских транснациональных компаний. Эти компании действуют все более напористо и агрессивно, прибегая к корпоративным слияниям и поглощению местных предприятий, включая крупные, захватывают важные позиции в латиноамериканской экономике, активно осваивают природные богатства континента.

Международные эксперты неоднозначно оценивают интенсивное латиноамерикано-азиатское сближение. Позитивные оценки сводятся к тому, что растущие потребности рынков АТР поддержали экономики стран ЛКА, резко подняв цены на сырье и продовольствие. В негативных оценках сделан акцент на то, что сотрудничество происходит по китайскому сценарию, результатом чего окажется превращение континента в аграрно-сырьевую периферию Китая и подавление всех конкурентов, включая национальные компании.

Итак, период с начала XXI в. был во многих отношениях исключительным с точки зрения экономического роста и, еще в большей степени, социального прогресса в Латинской Америке. Некоторые исследователи стали называть этот период «латиноамериканским десятилетием»; термин появился для контраста с «потерянным десятилетием» 1980-х гг., когда тяжелый долговой кризис поверг континент в глубокую рецессию. Произошли значимые изменения в международном положении Латинской Америки, затронувшие все основные направления ее внешних связей. Активно развивалось взаимодействие между латиноамериканскими государствами, что нашло отражение в формировании и развитии различных региональных организаций и структур. Состоялся выход за пределы континента Аргентины, Бразилии и Мексики благодаря их участию в «большой двадцатке», а Бразилии – и в группе БРИКС, а также торгово-экономическому повороту целого ряда стран в сторону Тихоокеанской Азии, их присоединению в АТЭС.

На континенте резко расширилось присутствие Китая, что проявилось в росте торгового оборота и китайских инвестиций. На более высокий уровень поднялись торгово-экономические связи и налаживание сотрудничества отдельных

латиноамериканских интеграционных группировок с ЕАЭС. Изменились также и отношения с США, что наглядно проявилось в американо-кубинском взаимодействии. Страны Латинской Америки наконец активизировали диалог с Евросоюзом. Все факторы в совокупности расширили охват внешних связей латиноамериканских и карибских стран и в корне меняют роль Латинской Америки в системе глобальных геополитических процессов.

Подводя итог, можно утверждать, что в геополитическом смысле Латинская Америка переживает период повышенной международной динамики, демонстрируя при этом усилия на двух геополитических направлениях: интенсификации внутрирегионального взаимодействия и поиске новых перспективных внеконтинентальных партнеров.